

Бетти
ФРИДАН

Загадка женского

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Бетти Фридан
Загадка женского

«Издательство АСТ»

1963

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Фридан Б.

Загадка женского / Б. Фридан — «Издательство АСТ»,
1963 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-149135-2

Бетти Фридан (1921–2006) – американская писательница, одна из ведущих фигур феминизма в США, первый президент Национальной организации женщин и основательница Национальной женской политической фракции, добившаяся немалого успеха в борьбе за равноправие. «Загадка женского» – это неотъемлемая часть истории феминизма и часть мировой культуры. Эта книга дала начальный импульс современному женскому движению в 1963 году и в результате навсегда изменила структуру общества в Соединенных Штатах и других странах мира. Именно это произведение Бетти Фридан лишило образ домохозяйки романтического ореола и вывело женщин на рынок труда с желанием добиваться материальной независимости, получать достойное образование и делать карьеру. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ISBN 978-5-17-149135-2

© Фридан Б., 1963
© Издательство АСТ, 1963

Содержание

Введение	6
Предисловие и благодарности	10
Глава 1	13
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Бетти Фридан

Загадка женского

Для всех современных женщин и современных мужчин

© Betty Friedan, 1963

Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Введение Гейл Коллинз

Каждый писатель жаждет создать книгу на злобу дня – точно сформулировать проблему столетия и сделать это до того, как остальные заметят, что проблема в принципе существует. Хотя, конечно, подобное случается крайне редко. Чаще всего мы рады, если, выбрав интересный ракурс, удастся объяснить людям то, что им и так известно. Но Бетти Фридан попала в десятку. Когда в 1963 году «Загадка женского» увидела свет, она спровоцировала столь бурную реакцию, что Фридан смогла написать еще одну книгу, поведав, что женщины ей сказали по поводу первой (*эта книга изменила мою жизнь*). Если составлять список самых значимых книг двадцатого столетия, то «Загадка женского», без сомнения, в него войдет. А еще «Загадка женского» вошла в уникальную подборку «Десятка самых тлетворных книг 19-го и 20-го столетий» одного консервативного журнала, что если не льстит автору, то по крайней мере свидетельствует об ажиотаже, который она вызвала.

Мы читаем ее и сегодня. В книге «Нюющее чувство» (A Strange Stirring), посвященной «Загадке женственности» и ее влиянию, Стефани Кунц пишет, что ее студенты «всей душой реагировали» на такие главы, как, например, «Обманным путем», поскольку чувствовали то же самое – их также вынуждали покупать потребительские товары и «позиционировать себя как вещь, которую потребляют». И естественно, если нужно понять, что же произошло с американской женщиной за последние полвека, осознать, какой она проделала удивительный путь от Дорис Дэй до *Баффи – истребительницы вампиров* (и пока не остановилась!), начинать нужно именно с этой книги.

Но критики – как и фанаты – считают себя обязанными ткнуть пальцем в то, что упускает автор. Их вполне правомерно озадачивает, почему афроамериканские женщины упоминаются лишь вскользь, хотя Фридан писала во времена движения за гражданские права. Женщины рабочего класса проглядывают только в паре-тройке высказываний, например, когда говорится, что замужним женщинам, которые захотят работать, понадобится домработница или няня. Весьма примечательно и то, что Фридан умудрилась написать целую книгу, обвиняя американское общество в его отношении к женщинам, но не обсуждая законодательство. При этом в 1963 году большинство женщин не могли взять кредит, не имея поручителя мужского пола. В некоторых штатах они не могли входить в состав коллегии присяжных, а в других – мужья имели право распоряжаться не только собственностью своих жен, но и их заработком. И хотя Фридан из раза в раз твердит о необходимости дать женщине возможность работать, она не упоминает, что газетам разрешалось публиковать объявления «Требуется на работу» по категориям для мужчин и для женщин, а работодатель мог на законном основании заявить, что какая-то вакансия исключительно для мужчин. Так поступало даже федеральное правительство.

Все эти недочеты, как ни странно, являются сильной стороной книги. «Загадка женского» – своеобразный яростный крик, вызванный тем, что умных, высокообразованных женщин не допускали к профессиональной деятельности и относились к ним как к системе репродуктивных органов, стоящей на каблуках. Книга получилась в высшей степени личная, что и придало столь берущую за душу силу. Сама Фридан бросила аспирантуру, поскольку, как она написала, академические успехи пугали парня, с которым она встречалась. Ее возмущала уверенность студенток в том, что главная цель учебы в высшей школе – получить звание «МИС-СИС». Ее приводил в бешенство тот факт, что в психиатрии несчастье домохозяйки объяснялось незамысловато: с либидо «не лады». Она злилась, поскольку экономический сектор видел в женщинах каких-то потребляющих роботов, которые обеспечивают процветание госу-

дарства, скупая новые кухонные электроприборы и неистово разыскивая идеальное средство для стирки. Про женские журналы лучше даже не упоминать. Фридан много для них писала, и в своей книге она как кирпичики складывает все эти жуткие до невозможности примеры, один за другим, как именно популяризируется загадка женского. Там есть коротенькая история о молоденькой женщине, у которой были планы на будущее, но потом она вышла замуж, затерла до дыр шесть копий книги доктора Спока об уходе за младенцами и накручивала себя, пафосно скандируя: «Я счастлива! Ужасно счастлива! Я ТАК РАДА, ЧТО Я – ЖЕНЩИНА!» В голове сразу вырисовывается эффектная картинка, как санитары из психушки привязывают ее к каталке.

Бетти Фридан родилась в 1921 году. В разгар Второй мировой войны она уже окончила колледж Смит, поэтому глазами взрослого человека видела послевоенный экономический взрыв, в результате которого возник средний класс с невиданным ранее уровнем жизни. К тому времени как Фридан села за книгу, большинство американских семей жили в собственных домах. У них были машины и телевизоры, они ездили отдыхать и надеялись, что дети будут учиться в колледжах. Получить работу было легко... причем настолько, что отчаявшиеся работодатели проводили рекламные кампании, дабы убедить замужних женщин, что выйти куда-то на неполный день секретарем или продавцом – отличный способ подзаработать, ведь всегда есть непредвиденные расходы на дом и детей. (В попытке убедить читателей вернуться в профессиональный мир, Фридан упоминает свою подругу, домохозяйку из пригорода, которая переживала, что слишком долго не работала журналистом и выпала из профессии. «Когда она наконец решила что-то предпринять, то за пару поездок в город нашла отличную работу в своей области», – беззаботно пишет Фридан. Здесь следует многозначительная пауза, пока все честолюбивые молодые репортеры, которые в настоящий момент находятся на неоплачиваемой стажировке, причем третьей по счету, бьются головой о стену.)

Время наступило уникальное. Наверное, впервые в истории Америки у обычного человека хватало и средств, и времени, чтобы спросить себя, счастлив ли он. Фридан счастья не ощущала.

«Многие годы эта проблема таилась, невысказанная, глубоко-глубоко в умах американских женщин. Похожая на странный зуд, вроде чувства неудовлетворенности, острая тоска, от которой страдали американки середины двадцатого века. Каждая домохозяйка боролась с ним в одиночку, – такими словами Фридан начинает свою «Загадку женского». (Как у всех великих книг, там есть отрывок, который без усталости цитируют.) – Она заправляла постель, ходила за продуктами, подбирала пледы и покрывала, уплетала с детьми сэндвичи с арахисовым маслом, развозила на занятия сыновей и дочек, лежала с мужем в кровати... и все время, даже самой себе, даже в мыслях, боялась задать вопрос: неужели это все?»

По прошествии времени кажется, что это такой способ понять, но на тот момент вопрос был судьбоносным. Ведь всю историю Запада среднестатистическая женщина с амбициями мечтала о полноценной карьере домохозяйки. Работа вне дома означала, что придется надрываться в поле, трудиться на фабрике, стоять за прилавком в чужом магазине или прибираться в чужом доме. Роль домохозяйки, которая сидит дома, давала женщине шанс устанавливать свои правила. «Мне просто по душе была эта свобода: я сижу дома, и никто не указывает, что мне делать» – так одна женщина из Оклахомы объяснила, почему бросила работу бухгалтера и стала растить троих детишек.

Молодые англичанки перебрались в колониальную Америку, прельстившись обещанием жизни в качестве домохозяйки на полный рабочий день. Они запрыгивали в крохотные суденышки и пересекали гигантский океан в ожидании этой мечты, мечты, что они не просто найдут себе мужей, а мужей, которые позволят им сидеть дома. Такая пропаганда часто расходилась с реальностью: большинство женщин, приехав в Америку, обрели и мужей, и жизнь, в которой приходилось обрабатывать землю. А еще нужно было прясть, шить, готовить еду,

консервировать, делать сыр, свечи и заниматься кучей дел, что составляли колониальный быт. Домашней работы было так много, что даже те женщины, которым разрешалось «сидеть» дома, валились с ног. Мысль о том, что они могли бы заниматься домом и при этом не стирать вручную, не варить мыло, не ошипывать цыплят и не делать всю остальную, не сильно воодушевляющую работу, сама по себе могла показаться раем.

И вот их прапрапраправнучки получили такую жизнь, но при этом чувствовали себя крайне подавленно.

Пригород в послевоенное время был для жителей не то раем, не то адом: бесконечные новенькие дома на участках в четверть акра, где в будни можно было заметить исключительно женщин и детей. Я сама выросла в одном из таких домов в Цинциннати. Отцы каждое утро уезжали на работу на единственном в семье автомобиле, а за взрослых мужчин оставались Томми-молочник и Арт, водивший старый автобус, полный продуктов, которые он продавал оказавшимся на мели домохозяйкам. Матери занимались в основном воспитанием малышей, не сильно при этом утруждаясь. Кульминационный момент наступал часа в четыре или пять, когда домашняя работа была вся переделана, ужин томился в духовке и женщины могли собраться на чьей-нибудь кухне или на веранде позади дома, выпить бокал и поболтать. Потом приезжал с работы отец, по крайней мере, так было заведено у нас, и еще целый час родители за коктейлем обсуждали, как прошел день, пока старшие дети бесконечно долго гуляли с младшими, катая тех в коляске. Вот одна из причин, по которой описанный Фридан домашний уклад очень напоминал мне мое собственное детство, – выпивка.

В своей книге Фридан попыталась представить себя типичной домохозяйкой среднего класса начала 60-х. На деле выпускница колледжа Смит, которая до замужества и материнства успела поработать в целом ряде либеральных и профсоюзных газет на Манхэттене, отнюдь не типичная домохозяйка. Она входила в небольшую группу женщин, которые отправились получать образование, имея в голове сразу две картинки: будущую жену, сидящую дома, и серьезную ученицу, которую волнуют и оценки, и списки для чтения, и серьезные дискуссии, которая взяла те же предметы, что и студенты мужского пола... или которая, как Фридан, поступила в колледж Смит и замахнулась на сложные науки. Она собиралась учиться в аспирантуре, пока парень, с которым она тогда встречалась, взяв ее на прогулку по холмам Беркли, не сказал: «Ничего у нас с тобой не выйдет. Я никогда не получу такую стипендию». Фридан бросила научную карьеру, уехала на восток и «жила настоящим, работая в газетах, ничего особенно не планируя. Вышла замуж, родила детей, жила, соответствуя этой загадочной женственности, как обычная домохозяйка».

Неужели это реальный факт? Неужели одно-единственное замечание завистливого уха-жера вынудило Фридан уехать в Нью-Йорк, где впоследствии она вышла замуж, кстати, уже за совершенно другого мужчину? На самом деле это не важно. Важно то, что в роли домохозяйки – хотя эта домохозяйка между делом продолжала писать для журналов статьи – Фридан было смертельно скучно. Она понимала, что разница между ее эпохой и эпохой уже ушедшей заключалась в том, что, когда американцы перебрались из фермы в город, а затем переехали в пригород, изменилась суть работы по дому. Жена фермера играла в семье важную роль с точки зрения экономики: она должна была шить одежду, варить мыло, делать свечи и сыр, выращивать овощи и кормить цыплят, а еще обменивать сделанные ею вещи на важные припасы для своей семьи. У городской домохозяйки экономическая целесообразность не просматривается, к тому же современная техника избавила ее от затратной по времени рутины прошлых лет. Как писала Фридан, женское самоощущение «когда-то зиждилось на необходимости выполнения домашней работы и получения ее результатов». Но все исчезло в эпоху, когда работа по дому «больше не является, по сути, необходимой и не требует особых способностей... причем в ситуации, когда женщины могут наконец-то найти для себя нечто более значимое».

Анализ собственных переживаний Бетти Фридан вылился в «Загадку женского». И когда книга добралась до прилавков и ее купили женщины, скучавшие в клетке своего идеального дома и брака, они стали внутренне позиционировать себя иначе. «Некоторых женщин возмутило то, что «Загадка женского» поставила под сомнение их жизненный выбор, зато другие, и я в том числе, почувствовали, что их наконец-то поняли», – сказала Мадлен Кунин, дискутируя по поводу книги в своем книжном клубе в Кембридже, штат Массачусетс, где она жила в качестве жены студента-медика. (Впоследствии Кунин вернулась к работе. Как и Фридан, она преуспела и в конце концов стала губернатором штата Вермонт.)

Насколько мне известно, ни одна из мамочек моего района «Загадку женского» и в руки не брала. Если они и усомнились в своем выборе, то значительно позже, когда стало очевидно, что идеальный образ жизни в пригороде, который воспевали сводившие Фридан с ума женские журналы, имеет врожденный дефект. Весь миф о женственности строился вокруг того, что основная роль женщины – быть матерью. Однако первое поколение жителей пригородов переехало, когда дети были еще маленькими, потом дети росли, покидали дома, а матери, у которых отняли их единственную роль, еще были в полном расцвете сил. Сидя в своих новеньких домах, мы вспомнили общежития колледжа и осознали: вот она – пустота, и с ней нужно бороться. Чуть позже, прочитав, пусть и запоздало, книгу «Загадка женского», мы испытали момент истины. Пунктик Фридан о том, что нужно строить карьеру – а это решение она, казалось, предлагала на любой случай, – определенно имел смысл.

«Загадка женского» превратилась в бестселлер, определивший жизнь автора. В 1966 году Фридан, занимаясь исследованием для другой книги, оказалась в Вашингтоне на конференции комиссий штатов по положению женщин. Участников конференции возмутил тот факт, что федеральное правительство явно не собиралось следить за соблюдением закона против дискриминации по половому признаку при приеме на работу, который включили в Закон о гражданских правах 1964 года. (Сейчас самое время напомнить, что движение за права женщин зародилось задолго до появления «Загадки женского». Комиссии по положению женщин были созданы администрацией президента Кеннеди еще до публикации книги, а Закон о гражданских правах обсуждался в конгрессе, когда американские домохозяйки только начинали передавать книгу Фридан из рук в руки.)

Именно в гостиничном номере Бетти Фридан собрались разгневанные участники конференции, чтобы обсудить дальнейшие действия, когда администрация Линдона Джонсона не проявила интереса к решению этого вопроса. (У Фридан была репутация человека с тяжелым характером, в какой-то момент она даже заперлась в ванной и велела всем расходиться по домам. Но все остались.) Так появилась Национальная организация женщин, которую она же и возглавит. Именно при Фридан организация НОЖ будет подавать судебные иски от имени обычных, без напускной гламурности, работающих женщин, за игнорирование которых всегда критикуют ее книгу. И именно Фридан в 1970 году провела грандиозный марш в честь пятидесятой годовщины поправки к избирательному праву, собрав в городах по всей стране столько народу, что вся нация прекрасно поняла, насколько решительно настроены женщины, как сильно они хотят изменить свою жизнь и все общество. В Нью-Йорке участникам марша отказали в проведении парада на Пятой авеню, им велели идти по тротуарам. Фридан, будучи во главе всей этой толпы, снова взяла на себя инициативу. «Мы не собирались идти по Пятой авеню друг за дружкой гуськом, – писала она позже. – Замахав над головой руками, я прокричала: “Выходим на улицу!” Вот это был момент...»

Вот об этом и книга. С годовщиной!

Предисловие и благодарности

Я постепенно начинала понимать, что современный образ жизни американских женщин какой-то неправильный, хотя целостная картинка довольно долго не складывалась. Это понимание изначально возникло у меня в раздумьях над собственной жизнью, жизнью жены и матери трех малолетних детей, когда я, отчасти испытывая чувство вины и оттого нерешительно, пыталась реализовать свои способности и найти применение своему образованию в работе, которая уводила меня из дома. Личные терзания и вынудили меня в 1957 году потратить кучу времени на скрупулезное анкетирование сокурсниц из колледжа Смит, спустя пятнадцать лет после его окончания. Ответы двухсот женщин на сокровенные вопросы, не предполагающие простого «да» или «нет», подтолкнули меня к пониманию, что возникающие проблемы никак не соотносятся с образованием, во всяком случае в принятом на тот момент ключе. Проблемные и радостные моменты в их жизни (да и в моей), а также то, какой вклад в это внесло наше образование, просто не соответствовало образу современной американки, который описывали в женских журналах, изучали и анализировали в классах и клиниках, воспевали и проклинали в тех бесконечных словесах, что лились с конца Второй мировой. Странное противоречие чувствовалось между нашей реальной жизнью и тем образом, которому мы старались соответствовать, тому, что я впоследствии назвала загадкой женского. Мне стало интересно, испытывают ли другие женщины это шизофреническое раздвоение и что оно означает.

Тогда я стала отслеживать истоки загадки и то, как она влияет на женщин, которые в этой парадигме живут и в ней были воспитаны. Я использовала те же методы, что и журналист, который ищет новый сюжет, вот только очень скоро стало ясно, что сюжет будет весьма небанальный. На обширных просторах современной мысли и жизненных путей одна ниточка тянула за собой другую, и проявлялась поразительная закономерность, опровергающая не только общепринятый образ, но и базовые психологические представления о женщинах. Пару фрагментов общей мозаичной картины я обнаружила в предыдущих исследованиях женщин, но то были крохи, ведь раньше женщин изучали исключительно в рамках мифа о женственности. Масло в огонь подлили исследование Института Меллона о женщинах Вассар-колледжа, аналитические выводы Симоны де Бовуар о французских женщинах, работы Мирры Комаровски, А. Х. Маслоу и Альвы Мюрдаль. Еще более провокационным мне показалось новое направление в психологии, где занимались вопросом мужской идентичности и выводы которого относительно женщин почему-то остались за кадром. Я дополнила доказательную базу, опросив тех, кто занимается женскими болезнями и проблемами. А еще проследила, как именно рос и развивался миф о женственности, общаясь с редакторами женских журналов, исследователями мотивации в рекламе, экспертами-теоретиками в области психологии, психоанализа, антропологии, социологии и специалистами по семейной жизни. Полностью сложились части головоломки, когда я провела глубинные интервью, продолжительностью от двух часов до двух дней каждое, опросив восемьдесят женщин в поворотные моменты их жизни: старшеклассниц и студенток, перед которыми встал вопрос, кто они (или которые от него уклонялись), молодых домохозяек и матерей, для которых, если загадочная женственность не врал, такой вопрос вовсе не стоял и у которых поэтому не было названия для этой зудящей проблемы, а еще женщин, которые в свои сорок лет вдруг вернулись на исходную позицию. Именно эти женщины – некоторые измученные, некоторые умиротворенные – подарили мне последние подсказки, именно они вынесли самое ужасное обвинение существующей в умах загадке женского.

И конечно, я не смогла бы написать эту книгу без помощи экспертов, выдающихся теоретиков и практиков, а еще без сотрудничества с теми, кто искренне верит в загадочную женственность, чьими руками творился этот миф. Мне помогали редакторы женских журналов, как бывшие, так и настоящие, в том числе Пегги Белл, Джон Инглиш, Брюс Гоулд, Мэри Энн

Гитар, Джеймс Скардон, Нэнси Линч, Джеральдин Роудс, Роберт Штайн, Нил Стюарт и Полли Уивер, Эрнест Дихтер и сотрудники Института мотивационных исследований, а еще Мэрион Скеджелл, бывший редактор издательства *Viking Press*, которая поделилась данными своего незаконченного пока исследования литературных героинь. Я в большом долгу перед рядом бихевиористов, теоретиков и психиатров, например перед Уильямом Менакером и Джоном Ландграфом из Нью-Йоркского университета, А. Х. Маслоу из Брандейса, Джоном Доллардом из Йельского университета, Уильямом Дж. Гудом из Колумбийского университета; перед Маргарет Мид, Полем Ваганяном из Педагогического колледжа, Эльзой Сиипола, Гарольдом Израэлем и Эли Чинной из колледжа Смит. Я благодарна доктору Андрашу Ангялу, психоаналитику из Бостона, доктору Натану Акерману из Нью-Йорка, доктору Луи Инглиш и доктору Маргарет Лоренс из Центра психического здоровья округа Рокленд, многим работникам психиатрической помощи в округе Уэстчестер, в том числе миссис Эмили Гулд, доктору Джеральду Фонтейну, доктору Генриетте Глатцер и Марджори Ильгенфриц из Центра помощи Нью-Рошелл и преподобному Эдгару Джексону, доктору Ричарду Гордону и Кэтрин Гордон из округа Берген, штата Нью-Джерси, недавно ушедшему от нас доктору Абрахаму Стоуну, доктору Лене Левин и Фреду Джаффе из Ассоциации планирования семьи, сотрудникам Центра Джеймса Джексона Патнэма в Бостоне, доктору Дорис Мензер и доктору Сомерсу Стерджесу из больницы Питера Бента Бригема, Элис Кинг из Консультативного центра поддержки выпускников и доктору Лестеру Эвансу из Фонда Содружества. Я также благодарна педагогам, доблестно вступающим в борьбу с загадочной женственностью, которые поделились полезной информацией: Лоре Борнхольд из колледжа Уэллсли, Мэри Бантинг из Рэдклиффа, Марджори Николсон из Колумбийского университета, Эстер Ллойд-Джонс из Педагогического колледжа Колумбийского университета, Миллисенте Макинтош из Барнард-колледжа, Эстер Раушенбуш из колледжа Сары Лоренс, Томасу Менденхоллу из колледжа Смит, Дэниелу Аарону и многим другим членам факультета колледжа Смит. Но больше всего я благодарна тем женщинам, которые поделились своими проблемами и чувствами, начиная с двухсот женщин – выпускниц колледжа Смит 1942 года, а также Марион Ингерсолл Хауэлл и Энни Матер Монтеро, с которыми мы вместе работали над анкетой.

Без Нью-Йоркской публичной библиотеки, этого великолепного учреждения, предоставившего писателю тихое местечко для работы в комнате Фредерика Льюиса Аллена и доступ к источникам информации, конкретно эта мать троих детей, скорее всего, так и не начала бы писать книгу и уж тем более ее не закончила бы. Эта книга не увидела бы света без чуткой поддержки моего издателя Джорджа П. Броквея, редактора Бартон Билза и агента Марты Уинстон. Я не написала бы ее, если бы не получила весьма необычное психологическое образование, которое дали Курт Коффка, Гарольд Израэль, Эльза Сиипола и Джеймс Гибсон из колледжа Смит, Курт Левин, Тамара Дембо и другие члены их сообщества в Айове, Э. К. Толмен, Джин Макфарлейн, Невитт Сэнфорд и Эрик Эриксон из Беркли, – гуманитарное образование, в лучшем смысле этого слова, которым я воспользовалась, хотя и не совсем так, как планировала.

Представленные в книге выводы, интерпретация теоретических изысканий и фактов, вытекающие из всего этого ценности, разумеется, мои собственные. И неважно, окончательны ли ответы (поскольку есть много вопросов, которые требуют дальнейшего участия социологов), – дилемма американской женщины существует. Многие эксперты, вынужденные в конце концов признать наличие проблемы, с удвоенными силами пытаются впахнуть женщин в рамки загадочной женственности. И мои ответы, скорее всего, встревожат как этих экспертов, так и в целом женщин, поскольку требуют социальных изменений. Но писать эту книгу было бы бессмысленно, если бы я не верила, что женщины способны влиять на общество и наоборот, что в конечном счете женщина, как и мужчина, имеет право выбирать и создавать свой личный рай или ад.

*Отель «Грандвью», Нью-Йорк
июнь 1957 – июль 1962*

Глава 1

Проблема без названия

Многие годы эта проблема таилась, невысказанная, глубоко-глубоко в умах американских женщин. Проблема, похожая на странный зуд, вроде чувства неудовлетворенности, острая тоска, от которой страдали американки середины двадцатого века. Каждая домохозяйка боролась с ним в одиночку. Она заправляла постель, ходила за продуктами, подбирала пледы и покрывала, уплетала с детьми сэндвичи с арахисовым маслом, развозила на занятия сыновей и дочек, лежала с мужем в кровати... и все время, даже самой себе, даже в мыслях, боялась задать вопрос: неужели это все?

Уже более пятнадцати лет не встречалось ни единого упоминания этой тоски среди миллионов слов, написанных о женщинах и для женщин, в колонках, книжках и статьях, везде, где эксперты рассказывают женщине, в чем заключается ее роль – в том, чтобы реализоваться как жена и мать. Раз за разом женщинам повторяли, передавая традиции или мудрствуя по Фрейд, что более величайшей судьбы и желать нельзя, можно лишь гордиться своей женской сущностью. Эксперты советовали, как заполучить мужчину и как его удержать, как правильно кормить детей грудью и высаживать их на горшок, как справляться с детским соперничеством и подростковым бунтом, как выбрать посудомоечную машину, печь хлеб, готовить великолепные булочки с корицей и вырыть своими руками бассейн. Как одеваться, выглядеть и вести себя более женственно и как добавить перчинки в свой брак, как сделать так, чтобы мужа прожили подольше, а сыновья не выросли преступниками. А несчастных, нервных, «неженственных» женщин, которые захотели стать поэтессами, или физиками, или президентами, приучили жалеть. Ведь по-настоящему женственная женщина не возжелает ни карьеры, ни высшего образования, ни политических прав, ей ни к чему независимость и те возможности, за которые боролись феминистки старой формации. Кое-кто, в свои сорок или пятьдесят, еще помнил, сколь болезненным был отказ от этих мечтаний, но женщины помоложе в большинстве своем об этом даже не задумывались. Тысячами голосов эксперты воспевали их женственность, то, как они адаптируются, их новую степень зрелости. Главное – с юных девичьих лет посвятить жизнь поиску мужа и рождению детей.

К концу пятидесятих годов в Америке средний возраст вступления в брак упал до двадцати лет и продолжал снижаться. Четырнадцать миллионов девушек к семнадцати годам уже были помолвлены. Соотношение обучающихся в колледже женщин в сравнении с мужчинами упало с сорока семи процентов в 1920-м до тридцати пяти процентов в 1958-м. Столетием ранее женщины сражались за право получить высшее образование, теперь девушки поступали учиться, чтобы найти себе мужа. К середине пятидесятих шестьдесят процентов девушек бросили колледж, чтобы выйти замуж или из-за страха, что излишняя образованность станет помехой на пути к браку.

Позже американские девчонки стала выходить замуж, учась в старших классах. И женские журналы, сетуя на неутешительную статистику ранних браков, продвинули идею внедрить в старшую школу курсы по подготовке к браку. Девушки стали завязывать серьезные отношения уже в средней школе, в двенадцать-тринадцать. Для десятилеток производители стали выпускать бюстгалтеры с фальшивой грудью. А осенью 1960 года в *New York Times* появилась реклама детских платьев для 3–6 лет с таким слоганом: «И она может завлечь мужчину».

К концу пятидесятих рождаемость в США побила результаты даже Индии. Ассоциацию по контролю рождаемости, которую переименовали в Федерацию по планированию семьи, попросили найти способ, чтобы в случае вероятности рождения мертвого ребенка или ребенка с отклонениями в развитии, если это был третий или четвертый в семье, у женщины не отни-

мали шанс родить. Статистики диву давались при виде бешеного роста количества детей у студенток. В семьях, где ранее было два ребенка, теперь заводили по четыре, пять, шесть. Женщины, которые когда-то ратовали за карьеру, сделали делом своей жизни рождение детей. Журнал *Life* в 1956-м так сильно обрадовался возвращению женщин в лоно семьи и дома, что даже опубликовал хвалебную песнь.

В больнице Нью-Йорка у одной женщины, неспособной выкормить грудью своего малыша, случился нервный срыв. В других больницах женщины умирали от рака, отказавшись принимать лекарства – которые, согласно исследованиям, могли бы спасти им жизнь – только потому, что боялись потерять свою женственность из-за побочки. «Если у меня только одна жизнь, я хочу прожить ее блондинкой» – было написано на колоссальных размеров фотографии с симпатичной, легкомысленного вида женщиной, которая встречалась в газетах, журналах и аптечных киосках. И по всей Америке три из десяти женщин перекрашивались в блондинок. Вместо нормальной еды они поглощали порошок под названием «Метрекаль», чтобы похудеть до параметров тонких и звонких девушек-моделей. Закупщики универмагов отмечали, что с 1939 года американки стали на три-четыре размера меньше. Как сказал один из них, «женщины подгоняют себя под одежду, а не наоборот».

Дизайнеры интерьеров проектировали на кухнях мозаичные фрески и настоящие картины, ведь кухня вновь стала центром жизни женщины. Производство и продажа товаров для рукоделия превратились в миллионную индустрию. Многие женщины теперь выходили из дома только с целью сделать покупки, довести куда-то ребенка или посетить на пару с мужем социальное мероприятие. Девушки росли, не имея никаких занятий вне дома. В конце пятидесятых неожиданно обозначился такой социальный феномен: работала треть всех американок, но большая часть была уже немолода, и лишь немногие строили карьеру. Работали замужние женщины, выбирая частичную занятость в продажах или в сфере секретариата: они помогали мужьям выплатить ипотечный долг или детям окончить колледж. Работали вдовы, которым нужно было содержать семью. Но все меньше и меньше женщин работали по специальности. Нехватка медсестер, социальных работников, учителей создавала проблему почти в каждом американском городе. Обеспокоенные лидерством Советского Союза в космической гонке, ученые заметили, что гигантский незадействованный интеллектуальный ресурс в Америке составили женщины. Однако девушки не собирались изучать физику: не женское это дело! Одна, например, отказалась от научной стипендии в Университете Джонса Хопкинса ради работы в бюро недвижимости. Ей, по ее же словам, было нужно лишь то, о чем мечтала любая другая американская девчонка: выйти замуж, родить четверых и жить в милом домике в милом пригороде.

Домохозяйка из пригорода – вот заветный образ для молодой американки и предмет зависти – во всяком случае, так заявлялось – женщин по всему миру. Американская домохозяйка – с помощью науки и средств механизации труда освобожденная от монотонной работы на износ, опасности в родах и болезней, которыми страдали их бабушки. Здоровая, красивая, образованная; в голове только муж, дети и дом. Она отыскала истинно женскую самореализацию. Домохозяйка и мать – в мужском мире ее уважали как полноценного и равного партнера. Она вольна выбирать автомобиль, одежду, бытовую технику, магазины. У нее есть все, о чем могла мечтать женщина.

Спустя пятнадцать лет после Второй мировой войны эта загадочная женская самореализация превратилась в желанный и бессменный кирпичик современной американской культуры. Миллионы женщин жили в образе американской домохозяйки из пригорода: вот она целует на прощание мужа перед панорамным окном, а вот сгружает в школу целый вагон детей. Миллионы женщин пекли домашний хлеб, шили себе и детям одежду, в их домах стиральные и сушильные машинки работали по двадцать четыре часа в сутки. Они меняли постельное белье не один, а два раза в неделю, посещали уроки по вязанию крючком на курсах для взрослых

и жалели своих не состоявшихся в жизни бедняжек-матерей, которые мечтали о карьере. Их единственная мечта заключалась в одном – быть идеальной женой и матерью, основная цель – иметь пятерых ребятишек и красивый дом, а результат своей единственной битвы они видели в том, чтобы заполучить и удержать мужа. До каких-то неженских проблем этого мира, тех, что выходили за рамки дома, им и дела не было. Решение важных вопросов они предпочитали перекладывать на мужчин. Они упивались своей женской ролью и гордо выводили на бланках по переписи населения: «род занятий: домохозяйка».

Более пятнадцати лет слова, написанные для женщин, и слова, которые женщины говорили, когда беседовали друг с другом, пока их мужья сидели в другой части комнаты, обсуждая работу, политику или септики, были про проблемы с детьми, или о том, как сделать мужа счастливым, или повысить школьную успеваемость отпрысков, или приготовить курицу, или сделать чехол для мебели. Никто не обсуждал, хуже женщины мужчин или лучше. Они просто были другими. «Эмансипация», «карьера» – эти слова звучали непривычно, даже непристойно. Их никто не произносил годами. Когда французенка по имени Симона де Бовуар написала книгу «Второй пол», какой-то американский критик прокомментировал, что она, по всей видимости, «не поняла, в чем суть жизни», и к тому же писала она о французенках. В Америке «проблема женщин» больше не стояла.

Если у женщины в пятидесятые-шестидесятые годы была какая-то проблема, она считала, что что-то не так либо с ее браком, либо с ней самой. Она думала, вот ведь, другие женщины довольны своей жизнью. Что же с ней не так, если она не ощущает загадочной самореализации, натирая чудо-машинкой полы на кухне? Она настолько стыдилась признаться в своей неудовлетворенности, что так и не узнала: многие испытывают то же самое. Если бы она попыталась рассказать об этом мужу, тот не понял бы, о чем идет речь. Впрочем, она и сама не полностью отдавала себе в этом отчет. Более пятнадцати лет американским женщинам обсуждать эту проблему было сложнее, чем секс. Даже у психоаналитиков для нее не было термина. Когда женщина приходила за психологической помощью, она говорила: «Мне ужасно стыдно» или «Я, наверное, законченная неврастеничка». «Не понимаю, что творится с женщинами, – с трудом признался один психиатр. – Хотя точно знаю: тут что-то не так, ведь в большинстве случаев мои пациенты – женщины. И их проблемы не связаны с сексом». При этом большинство женщин вообще не обращались за врачебной помощью. «Все нормально, – продолжали они себя успокаивать. – Нет у меня никаких проблем».

Но однажды, апрельским утром 1959 года, я слышала, как мать четверых детей, попивая кофе еще с четырьмя мамами в пригородном районе в пятнадцати километрах от Нью-Йорка, тоном тихого отчаяния произнесла «эта проблема». Все тут же поняли, что она говорила не о проблеме с мужем, детьми или домом. И до нее вдруг дошло, что это общая проблема, проблема, которой нет названия. Женщины робко и нерешительно стали ее обсуждать.

Постепенно я пришла к мысли, что проблема без названия волнует бесчисленное множество женщин по всей Америке. Как сотрудник журнала, я часто беседовала с ними, задавая вопросы о проблемах с детьми, с браком, с домом и соседями. Скоро я стала подмечать красноречивые признаки этой проблемы и в пригородных фермерских домах, и в домах в несколько этажей в Лонг-Айленде, в Нью-Джерси и в округе Уэстчестер, в домах в колониальном стиле в одном городишке штата Массачусетс, во внутренних дворах Мемфиса в штате Теннесси, в квартирах как городских, так и загородных, в гостиных на Среднем Западе. Порой я ощущала эту проблему не как журналист, а как домохозяйка, ведь я и сама воспитывала троих детей, проживая в округе Рокленд штата Нью-Йорк. Я замечала отголоски этой проблемы в студенческих общежитиях и родильных палатах на двоих, на школьных родительских собраниях и званых обедах Лиги женщин-избирателей, во время фуршетов в загородных домах, в микроавтобусах в ожидании прибытия поезда, в обрывках разговоров, нечаянно подслушанных в рестораниках. В дневной тиши, когда дети были в школе, или тихими вечерами, когда мужья

задерживались на работе допоздна, женщины пытались подыскать нужные слова, и думаю, сначала я поняла их как женщина, и лишь намного позже я осознала всю социальную и психологическую подоплеку.

Что же это за проблема такая, которой нет названия? Какими словами женщины пытались ее описать? Порой одна из них говорила: «Я чувствую какую-то пустоту... незавершенность». Или так: «Мне кажется, что меня нет». Порой женщины давили это чувство седативными препаратами. Порой думали, что проблема на самом деле с мужем или с детьми или просто нужно сделать косметический ремонт, или переехать в квартал получше, или завести интрижку, а может, еще одного ребенка. Порой женщина шла к врачу, а симптомов и объяснить толком не могла: «Чувство усталости... Я так злюсь на детей, что становится страшно... Не пойму, почему все время хочется плакать». (Один врач из Кливленда окрестил это «синдромом домохозяйки».) Уйма женщин признавались мне, что их кисти и руки покрывались кровоточащими потертостями. «Я называю это ожог домохозяйки, – поделился семейный врач из Пенсильвании. – Очень часто встречается в последнее время у молодых женщин с четырьмя, пятью или шестью детьми, которые сами себя зарыли под горой посуды в раковине. Но причина не в моющем средстве, и кортизол тут не помогает».

Порой женщины признавались мне, что чувство бывает столь невыносимо, что они убегают из дома и бесцельно бродят по улицам. Или остаются дома и плачут. Или дети рассказывают какую-то шутку, а они не смеются, потому что просто не слышат. Я общалась с женщинами, которые много лет провели на кушетке психотерапевта, работая над «принятием женской роли», снимая блоки, для того чтобы «реализоваться как жена и мать». Но нотка отчаяния в их голосах, их взгляды были схожи с тоном и взглядами тех женщин, которые утверждали, что, несмотря на странное чувство отчаяния, проблем у них нет.

Одна мать четверых детей, которая в девятнадцать ради замужества бросила колледж, сказала:

Я испробовала все, что полагается: заводила разные хобби, сажала цветы, солила и мариновала, консервировала, дружила с соседями, вступала во всевозможные комитеты и готовила чай на родительских собраниях. Я все это умею, и мне нравится, но внутри пустота... и непонятно, кто ты на самом деле. У меня никогда не было желания строить карьеру. Я хотела выйти замуж и родить четверых. Я люблю детей, люблю Боба и люблю свой дом. Я не могу объяснить, какая у меня проблема, – не могу подобрать слова. Но я на грани. Такое чувство, что у меня нет личности. Я – подаватель еды, надеватель штанов и заправлятель кроватей, служанка, которую вызывают по необходимости. Так кто я?

Одна двадцатитрехлетняя мамочка в голубых джинсах призналась:

Я задаюсь вопросом, почему я так недовольна. У меня здоровенькие, крепенькие детки, милый новый дом, денег в достатке. У мужа, он – инженер-электронщик, хорошие перспективы. У него таких проблем нет. Он говорит, что мне, наверное, нужен отпуск, предлагает рвануть в Нью-Йорк на выходные. Но дело не в этом. У меня всегда был этот бзик, что все следует делать вместе. Я не могу просто сидеть одна и читать книжку. Если дети спят, а у меня выдается часок на себя, я слоняюсь по дому и жду, когда они проснутся. И шагу не ступлю, пока не удостоверюсь, что знаю, куда все идут.словно с детских лет всегда было что-то, что структурировало твою жизнь: родители, колледж, влюбленность, рождение ребенка или переезд в новый дом. Но однажды ты просыпаешься, а предвкушать больше нечего.

Одна молодая женщина из квартала в Лонг-Айленде поделилась:

Я очень много сплю. Не знаю, с чего мне так уставать. Этот дом убирать намного легче той квартирке без горячей воды, в которой мы жили, пока я работала. Дети весь день в школе. И дело не в работе. Просто я не чувствую себя живой.

В 1960 году проблема, которой нет названия, вскрылась словно нарыв через образ вечно счастливой американской домохозяйки. В телевизионной рекламе еще лучезарно улыбались хорошенькие домохозяйки, склонившись над пузырящимися тазиками с посудой, а основная статья в *Time* под названием «Домохозяйка из пригорода: американский феномен» торжественно заявляла: «Все просто прекрасно... как тут поверить, что они несчастны». И вдруг реальное несчастье американских домохозяек полилось отовсюду, начиная с *New York Times* и *Newsweek* и заканчивая *Good Housekeeping* и телекомпанией Си-би-эс («Ловушка для домохозяйки»), хотя почти все, кто поднимал этот вопрос, старались найти внешние причины и от вопроса отмахнуться. Проблему приписывали неквалифицированным мастерам по ремонту электроприборов (*New York Times*), или на счет расстояний до школ в пригородах (*Time*), или обвиняли большое количество родительских комитетов (*Redbook*). Кто-то говорил, что проблема не нова, все дело в образовании: все больше и больше женщин получали образование, что естественным образом делает их несчастными в роли домохозяек. «Дорога от Фрейда до Фригидера, от Софокла до Спока оказалась ухабистой, – написали в *New York Times* (28 июня 1960 года). – Многие молодые женщины – хотя, конечно, не все, – чье образование позволило нырнуть в мир идей, задыхаются в собственном доме. Они считают, что их упорядоченная жизнь идет вразрез с тем, чему их учили. Словно затворницы, они чувствуют одиночество».

Образованной домохозяйке сочувствовали. (Как шизофреничке о двух головах. Когда-то она писала статью по кладбищенской поэзии, а теперь пишет записки молочнику. Когда-то она определяла точку кипения серной кислоты, а теперь прекрасно определяет, когда закипит сама, если мастер задержится... Крики и слезы – вот что остается у домохозяйки. И, похоже, никто не ценит, и меньше всего она сама, то, кем она стала в процессе превращения из поэтессы в мегеру.)

Специалисты по домоводству предложили более реалистичную концепцию подготовки домохозяек: университетские семинары по бытовой технике. Педагоги колледжей, чтобы помочь женщинам адаптироваться к семейной жизни, предложили создать больше групп для обсуждения правил домашнего хозяйства и организации семейного очага. Массовые журналы выпускали статью за статьей типа «Пятьдесят восемь способов превратить ваш брак в сказку». И месяц не проходил, чтобы какой-нибудь психиатр или сексолог не предложил в новой книге рекомендации, как получить еще больше удовольствия в сексе.

Какой-то юморист в июле 1960 года в журнале *Harper's Bazaar* пошутил, что эту проблему легко решить – надо лишь забрать у женщин право голосовать. («В эпоху до 19-й поправки американки были настроены благодушно, они были защищены и понимали, какую роль играют в американском обществе. Женщина передавала право принимать все решения, связанные с политикой, своему мужу, а он, в свою очередь, оставлял право принимать решения, связанные с домом и бытом, за ней. Сегодня женщине приходится принимать и те и другие решения. И это перебор».)

Некоторые педагоги вполне серьезно предлагали, чтобы женщин перестали допускать к обучению в колледжах и университетах с четырехлетним циклом: в условиях возрастающего кризиса колледжей образование, которое девушки не могли использовать, будучи домохозяйками, было нужнее юношам, чтобы выполнять работу в век атомной энергии.

От этой проблемы отмахивались, предлагая столь кардинальные решения, которые никто на самом деле не мог принимать всерьез. (Одна писательница в *Harper's Bazaar* предложила, например, чтобы женщин «призывали на службу» в качестве младших медсестер или при-

ходящих нянь.) И все это скрашивалось старыми-добрыми сказочками: «любовь даст на все ответ», «человек способен помочь себе только сам», «дети – вот секрет полной самореализации», «достижение интеллектуальной самореализации – личное дело каждого», «чтобы залечить ноющую душу, есть простое средство – предать себя и свою волю в руки божьи»¹.

Проблему преуменьшали, говоря домохозяйке, что она просто не понимает, как счастлива – нет ни босса, ни жесткого графика, никто не дышит в затылок, чтобы занять твою должность. И даже если она несчастна... а разве мужчины счастливы? Неужели она на самом деле в глубине души все еще хочет быть мужчиной? Разве она не понимает, как ей повезло родиться женщиной?

Еще раз проблему списали со счетов, когда все признали, что решения нет: это состояние характерно для женщины, поэтому совершенно непонятно, почему американки не могут с достоинством принять свое предназначение. Как выразился *Newsweek* 7 марта 1960 года:

Ей не по нраву та судьба, о которой женщины в других странах могут только мечтать. Ее глубокое недовольство носит повсеместный характер, но не лечится теми легкими средствами, что всегда под рукой... Целая армия исследователей-профессионалов уже отобразила на карте основной источник проблемы... Женский цикл, который испокон веков определял и ограничивал роль женщины. Считается, что еще Фрейд сказал: «Анатомия – это судьба». И поскольку ни у кого эти ограничения не вызывают такого отпора, как у американских жен, видимо, они пока не могут спокойно их принять... Молодая мать, обладая прекрасной семьей, очарованием, талантом и умом, стремится виновато себя принизить. И говорит: «Чем я занимаюсь? Да ничем. Я обычная домохозяйка». Хорошее образование, похоже, создало среди женщин эталон – осознание ценности всего и вся, за исключением себя самой...

А потому ей нужно признать тот факт, что «несчастье американских женщин – недавнее приобретение в борьбе за женские права», затем приспособиться и просто повторить за счастливой домохозяйкой, которую откопал *Newsweek*: «Нам следует уважать ту изумительную свободу, которая у нас есть, и гордиться тем, как мы живем. Я окончила колледж, потом работала, но роль домохозяйки – самая ценная и благодарная... Моя мать не была посвящена в дела отца... она не могла уехать из дома, не могла оставить нас, детей. А мы с мужем абсолютно на равных. Я могу сопровождать его в деловых поездках, ходить с ним на встречи».

В качестве альтернативы предложили выбор, который лишь немногие стали бы рассматривать как возможность. В полном сочувствия тексте *New York Times* читаем: «Мы все порой испытываем глубокую обеспокоенность из-за отсутствия возможности уединиться, физической нагрузки, домашней рутины и ограничений, что она накладывает. Однако никто не бросит свой дом и семью, если бы представился случай начать все заново». Журнал *Redbook* отметил: «Мало кто из женщин хотел бы плюнуть на мужа, на детей и общество и уйти в свободное плавание. Те, кто так поступает, может, и одаренные особы, но они редко достигают успеха».

В год, когда недовольство женщин перелилось через край, в *Look* написали, что более двадцати одного миллиона американок, не состоящих в браке, овдовевших или в разводе, даже после пятидесяти не оставляют лихорадочных, отчаянных попыток найти мужчину. А охота открывается рано... ведь семьдесят процентов американок в двадцать четыре уже замужем. Одна симпатичная двадцатипятилетняя секретарша в безуспешной гонке за мужем за шесть месяцев сменила тридцать пять мест работы. Женщины переходили из одного политического клуба в другой, посещали вечерние курсы по бухгалтерскому учету и парусному спорту, учи-

¹ См. the Seventy-fifth Anniversary Issue of *Good Housekeeping*, May, 1960, «The Gift of Self», a symposium by Margaret Mead, Jessamyn West, et al («Дар себя». Сб. ст. Маргарет Мид, Джессамин Уэст и др.).

лись играть в гольф и кататься на лыжах, присоединялись к различным паствам, то к одной, то к другой, в одиночку ходили по барам – и все это в бесконечном поиске мужчины.

Среди тысяч женщин в США, которые в настоящий момент частным образом наблюдаются у психиатра (а их число постоянно растет), замужние женщины, как сообщается, недовольны своим браком, незамужние тоскуют и в конце концов впадают в депрессию. Удивительно, но целый ряд психиатров утверждал, что – исходя из их практики – незамужние пациентки счастливее замужних. Итак, двери всех этих симпатичных загородных домов открылись, и мы увидели тысячи и тысячи американских домохозяек, в одиночку страдавших от проблемы, о которой все вдруг заговорили и которую стали воспринимать как данность, как одну из тех призрачных проблем, с которой ничего нельзя поделать... как с водородной бомбой. К 1962 году тяжкая доля находящихся в заточении американских домохозяек превратилась в национальную игру. Целые выпуски журналов, колонки в газетах, книги научные и не очень, конференции по вопросам образования, телевизионные шоу были посвящены обсуждению этой проблемы.

И все равно большинство мужчин и кое-кто из женщин еще не понимали, что проблема-то реальная. Те же, кто столкнулся с ней, объективно отдавали себе отчет, что все эти поверхностные способы, сочувственные советы, ругань или подбадривание почему-то топили проблему, отрывали ее от реальности. Горький смех – вот что стало раздаваться из уст американок. Ими восхищались, им завидовали, их жалели, их разбирали по пунктикам, пока их не начинало тошнить, им предлагали кардинальные решения или просто глупости, которые никто всерьез не рассматривал. Они получали всевозможные советы от растущей армии консультантов по браку и воспитанию детей, психотерапевтов и кабинетных психологов – как же лучше адаптироваться к роли домохозяйки. И другого пути к самореализации американской женщине в середине двадцатого века просто не предложили. Поэтому большинство женщин пытались к своей роли привыкнуть, потом страдали – или попросту закрывали глаза на проблему, которой нет названия. Меньше боли чувствовала женщина, которая не слышала этот странный, выедающий нутро недовольный голос.

Однако нельзя и дальше игнорировать этот голос, не обращать внимания на то отчаяние, что захлестнуло такое количество американских женщин. И дело не в женской сути, что бы на этот счет ни вещали эксперты. Ведь если человек страдает, значит, на то есть причина. Возможно, проблему не обнаружили раньше, потому что не задавали нужных вопросов или игнорировали ответы. Когда говорят, что проблемы нет, потому что американские женщины живут в таком комфорте, о котором даже не мечтали в иное время или в других странах, мне не кажется, что ответ верный. Эту проблему нельзя понять, оперируя терминами проблем традиционных и материальных: бедностью, болезнью, голодом и холодом. Женщины, для которых эта проблема актуальна, чувствуют голод, который не заглушить едой. Она упорно сидит и в головах жен интернов и помощников юристов, и в головах жен преуспевающих врачей и адвокатов. В головах жен рабочих и больших начальников, с годовой зарплатой и в пять тысяч долларов, и в пятьдесят. И причина не в отсутствии достатка: женщины, озабоченные безвыходной ситуацией голода, бедности и болезней, могут даже ее не ощущать. А женщины, которые считают, что проблему можно решить, заработав больше денег, купив дом побольше, вторую машину, переехав в лучший район, часто обнаруживают, что стало лишь хуже.

Нельзя говорить, что образование, независимость и равенство полов сделали американок неженственными. Многие женщины пытаются заглушить недовольный голос внутри себя, потому что он не вписывается в ту милую картинку женственности, которую рисуют эксперты. На самом деле я считаю, что это первый ключик к решению загадки: проблему нельзя понять в рамках тех общепринятых категорий, в которых ученые изучают женщин, врачи их лечат, консультанты дают советы, а писатели о них пишут. Женщины, которые страдают от этой проблемы, которых будоражит этот внутренний голос, всю жизнь гоняются за своей женской само-

реализацией. Это не карьеристки (хотя женщины, которые делают карьеру, вероятно, сталкиваются с другими проблемами). Это женщины, основные амбиции которых связаны с браком и детьми. Для самых старших из них, дочерей американского среднего класса, другой мечты и быть не могло. Если у сорока- и пятидесятилетних женщин были когда-то иные мечты, то они с ними распрощались и радостно бросились в объятия быта. Что же касается женщин помоложе, новоиспеченных жен и матерей, эта мечта была у них единственной. Именно они бросают университеты и колледжи, чтобы выйти замуж, или высиживают время на скучной работе, пока не найдут мужа. Они-то в общепринятом смысле как раз очень «женственные» и все равно страдают от этой проблемы.

Неужели женщины с высшим образованием, которые мечтали заниматься не только домашним хозяйством, страдают больше? Эксперты говорят, что да, но послушайте этих четырех женщин:

Мои дни расписаны по минутам, но ужасно скучны. Все, что я делаю, – болтаюсь туда-сюда. Встаю в восемь... готовлю завтрак, соответственно, мою посуду, готовлю обед, мою еще большие посуды, немного стирки и уборки после обеда. Потом черед посуды после ужина, и я могу присесть на пару минут перед тем, как детей надо укладывать спать... И это все, так проходит мой день. Он похож на день любой жены. Скукотища. Самое крутое – побегать в догонялки с детьми.

О господи, что же я делаю? Итак, встаю я в шесть. Одеваю сына, потом кормлю его завтраком. Потом мою посуду, купаю и кормлю младшего. Потом я готовлю обед, и, пока дети спят днем, я шью, что-то чиню, глажу и занимаюсь всеми теми делами, которых столько, что не переделать до полудня. Потом я готовлю ужин, а муж смотрит телевизор, пока я мою посуду. После того как уложу детей, я расчесываюсь и иду спать.

Проблема в том, что я всегда мама моих детей или жена священника. И никогда не бываю собой.

Если снять фильм о том, как проходит мое утро, то получится старая добрая комедия абсурда. Я мою посуду, подгоняю старших в школу, выбегаю в сад и по-быстренькому пропалываю хризантемы, влетаю обратно в дом и звоню договариваться по поводу заседания комитета, помогаю младшим построить домик из кубиков, пятнадцать минут пролистываю газеты, чтобы быть в курсе событий, потом стремглав несусь к стиральным машинам, где меня ждет белье в троекратном недельном размере, годовой запас какого-нибудь первобытного поселения. К полудню я уже готова согласиться на палату в психушке. Очень малая часть того, что я сделала, на самом деле необходима или важна. Давление извне заставляет меня крутиться дальше. Однако я считаю себя одной из наиболее беззаботных домохозяек в нашей округе. У многих моих друзей жизнь кипит еще сильнее. За последние шестьдесят лет круг замкнулся, и американская домохозяйка снова загнана как белка в колесе. И неважно, что представляет собой это колесо – современный фермерский дом с окнами в пол и коврами или удобную современную квартиру, ситуация не менее мучительная, чем когда бабушка сидела за пальцами в гостиной с золотом и бархатом и сердито бурчала себе под нос что-то о женских правах.

Первые две женщины никогда не посещали колледж и живут в микрорайонах местечка Левиттаун, штата Нью-Джерси, и города Такома, штат Вашингтон. Их опрашивала команда

социологов, которые изучали жен рабочих ². Третья женщина, жена священника, заполняя анкету на встрече выпускников спустя пятнадцать лет после выпуска, сообщила, что никогда не имела карьерных амбиций, но теперь об этом жалеет³. Четвертая женщина, домохозяйка из Небраски с научной степенью доктора по антропологии, сейчас воспитывает трех детей ⁴. Их слова свидетельствуют о том, что чувство тоски и безнадёги, которое испытывают домохозяйки, похоже, не зависит от уровня образования.

Сегодня, несмотря на то что все большее количество дам поступают в колледжи, уже никто сердито не бормочет себе под нос о «правах женщин». Недавнее исследование, которое затрагивает все выпуски Барнард-колледжа ⁵, показало, что подавляющее меньшинство студенток первых выпусков упрекали образование в возникшем у них желании заполучить «права», студентки более поздних выпусков упрекали образование в том, что оно дало им мечты о карьере, зато недавние выпускницы упрекнули колледж в том, что теперь им тесно в роли просто жены и матери. Они не хотят ощущать вину, когда не читают книги или социально не активны. Но если причина проблемы кроется не в самом образовании, может, ответ в том, что оно что-то портит.

Если секрет женской самореализации кроется в детях, то ведь впервые так много женщин, обладающих свободой выбора, рожают такое количество детей, за такой короткий срок, да еще так охотно. Если ответ – любовь, то ведь впервые женщины так решительно ищут любви. К тому же есть подозрение (и оно усиливается), что проблема не носит сексуального характера, хотя, конечно, может быть с сексом связана. От многих врачей я слышала доказательство наличия новой проблемы между мужем и женой: сексуальный голод у женщин так велик, что мужья просто не справляются. «Мы превратили женщину в сексуальный объект, – сообщил психиатр из клиники по семейному консультированию Маргарет Санджер. – У нее нет иной личности, они лишь жена и мать. Кто она сама – непонятно. Она сидит весь день и ждет, когда придет домой муж и сделает ее счастливой. А мужу, оказывается, она не очень-то интересна. Для женщины это кошмар – лежать так, ночь за ночью, и ждать, пока муж ее осчастливит». Непонятно тогда, зачем возник рынок книг и статей, раздающих советы на тему секса? Ведь проблема не решается банальным оргазмом.

Среди женщин фиксируются новые неврозы – и такие же безымянные, как неврозы, проблемы, – которые Фрейд с последователями предугадать не смогли, с физической симптоматикой, страхами и защитными механизмами, схожими с теми, что вызываются подавлением сексуальности. У подрастающего поколения детей, чьи матери всегда были рядом, повсюду их возили, помогали делать домашнюю работу, также отмечаются странные, невиданные ранее проблемы: неспособность терпеть боль и быть дисциплинированным, стремиться к самостоятельно поставленной цели, причем неважно какой, сменяющаяся скука по отношению к жизни. Преподаватели все чаще беспокоятся по поводу недостатка уверенности в собственных силах у мальчиков и девочек, которые сегодня поступают в колледжи. «Мы помогаем студентам взрывать, и это непрекращающаяся битва», – признался президент Колумбийского университета.

² Lee Rainwater, Richard P. Coleman and Gerald Handel, «Workingman's Wife», New York, 1959 (Ли Рейнуотер, Ричард П. Колман и Джеральд Хэндел «Жена рабочего»).

³ Betty Friedan, «If One Generation Can Ever Tell Another», Smith Alumnae Quarterly, Northampton, Mass., Winter, 1961 (Бетти Фридан «Если одно поколение могло бы поговорить с другим»). Впервые я осознала, что существует «проблема без названия», как и то, что она, быть может, имеет отношение к тому, что я в итоге назвала «загадка женственности» в 1957 году, когда готовила серьезный опросник и проводила собственное исследование учениц колледжа Смит спустя пятнадцать лет после выпуска. Этот опросник впоследствии использовался для тестирования выпускников колледжа Рэдклифф и других женских колледжей, и результаты получились аналогичные.

⁴ Jhan and June Robbins, «Why Young Mothers Feel Trapped», Redbook, September, 1960 (Джэн и Джун Роббинс «Почему молодые матери чувствуют себя как в ловушке»).

⁵ Marian Freda Poverman, «Alumnae on Parade», Barnard Alumnae Magazine, July, 1957 (Мэриан Фрида Повермэн «Выпускницы на параде»).

В Белом доме провели конференцию по поводу физической и мышечной деградации американских детей. Социологи отметили, как поразительно структурирована жизнь детей в пригородах: для них организовывали уроки, вечеринки, развлечения, игровые и обучающие группы. Одна домохозяйка из Портленда, штата Орегон, задалась вопросом, зачем детям «нужны» все эти скаутские организации. «Мы живем в приличном районе. У детишек здесь прекрасные площадки. Мне кажется, люди так заскучали, что организуют детей, а потом подсаживают на это других. А у бедных детишек не остается времени, чтобы просто поваляться на кровати и помечтать».

А может, проблема без названия как-то связана с домашней рутиной домохозяйки? Ведь когда женщина пытается облечь эту проблему в слова, то часто описывает лишь свои будни. Что же в банальном перечне бытовых мелочей может вызвать такое чувство отчаяния? Неужели она загнана в угол теми чудовищными требованиями, что возложены на современную домохозяйку: быть женой, любовницей, матерью, нянькой, закупщиком, поваром, шофером, а еще специалистом по оформлению интерьера, по уходу за ребенком, по ремонту бытовой техники, по реставрации мебели, экспертом в области питания и образования? Весь ее день дробится на мелкие части: она бежит от посудомойки к стиралке, потом к телефону, к сушке, к своей машине, в магазин, отвозит Джонни на бейсбол, а Дженни на танцы, забирает из починки газонкосилку и в 18:45 встречает мужа. Крайне редко она тратит на одно занятие больше пятнадцати минут, ей некогда читать книги, только газеты, и, даже если выпадает минутка, проблема – сосредоточиться. К концу дня она так измотана, что мужу иногда приходится встать в строй и укладывать детей.

В пятидесятых годах жуткая усталость вынудила так много женщин обратиться к врачам, что один из них решил провести исследование. К своему удивлению, он обнаружил, что его пациентки, страдающие от «выгорания домохозяйки», спали больше, чем требуется взрослому человеку – около десяти часов в день, – и на самом деле не тратили на домашнее хозяйство все свои силы. Он решил, что настоящую проблему нужно искать в другом месте: может, дело в скуке? Некоторые врачи советовали пациенткам уходить из дома на целый день, например, подарить себе поход в кинотеатр. Другие выписывали седативные препараты. Причем многие домохозяйки глотали седативные как леденцы от кашля. «Просыпаешься утром и понимаешь, что никакого смысла прожить этот день нет. Поэтому пьешь препарат, он хотя бы помогает выкинуть из головы мысль, что все бесполезно».

Несложно заметить, что именно ставит домохозяйку в эти рамки: ее время постоянно кому-то требуется. Но сами оковы, что ее держат, – они в голове, в душе. Эти оковы сформировались из-за ошибочных представлений и неверно понятых фактов, из-за неполной правды и выбора, не имеющего отношения к реальной жизни. Их не так просто разглядеть и не так просто сбросить.

Как может женщина увидеть правду во всей ее полноте, если она ограничена собственной жизнью? Как может она поверить внутреннему голосу, когда он отрицает устоявшиеся, общепринятые истины, согласно которым она жила и живет? И все же те мои собеседницы, кто в конце концов прислушивается к своему внутреннему голосу, похоже, каким-то невероятным образом пробиваются к истине, что не дается экспертам.

Мне кажется, что частички этой истины долгое время лежали под микроскопом у самых разных экспертов, просто те этого не осознавали. Я обнаружила их в современных практических работах и теоретических изысканиях в области физиологии, социологии и биологии, но их последствия для женщин, видимо, никогда не изучались. Я обнаружила кучу зацепок, общаясь в пригородах с врачами, гинекологами, акушерками, психопедиатрами, педиатрами, психологами старшей школы, профессорами колледжей, консультантами по семейно-брачным отношениям, психиатрами и священниками... расспрашивая их не по поводу теории, а по поводу накопленного опыта лечения американских женщин. Я осознала, что растет доказа-

тельная база, состоящая из фактов, о которых в большинстве своем не сообщалось публично, поскольку они не соответствуют нынешним представлениям о женщинах. Эти факты ставят под сомнение те стандарты женской нормальности, женской адаптации, женской самореализации и женской зрелости, согласно которым все еще пытается жить большинство.

В необычном, новом свете я взглянула на возвращение американцев к ранним бракам и большим семьям, что вызывают демографический взрыв, на недавний переход к естественным родам и грудному вскармливанию, на пригородный традиционализм и на те новые неврозы, патологии личности и сексуальные проблемы, о которых постоянно сообщают врачи. Мне стали видны новые грани старых проблем, которые долгое время воспринимались женщинами как должное: проблемы с менструальным циклом, фригидность, беспорядочные половые связи, связанные с беременностью страхи, послеродовая депрессия, высокая частота эмоциональных срывов и самоубийств среди двадцати- и тридцатилетних женщин, кризисы менопаузы, так называемая пассивность и незрелость американских мужчин, различия между интеллектуальными способностями женщин в детстве и их достижениями во взрослом возрасте, изменение частоты оргазма у взрослых американок и вечные проблемы женской психотерапии и образования.

Если я права, то проблема, которой нет названия и которая волнует многих современных американок, заключается не в потере женственности, не в чрезмерном образовании и не в требованиях, что накладывает семья и быт. Она гораздо важнее, чем вы можете представить. В ней разгадка других старых и новых проблем, что годами мучили женщин, их мужей и детей, ставили в тупик врачей и педагогов. Возможно, это ключ к нашему будущему как нации и культуры. Мы не можем и дальше игнорировать голос, который твердит женщине: «Я хочу чего-то большего, чем муж, дети и дом».

Глава 2

Наша героиня – счастливая домохозяйка

Как вышло, что так много американских домохозяек так долго страдали от этого мучительного недовольства, которому нет названия, и при этом каждая думала, что она такая одна? «У меня навернулись слезы от облегчения, что подобные переживания испытывают и другие женщины», – написала мне одна молодая мать из Коннектикута, когда я только начинала говорить об этой проблеме⁶. Другая женщина из города в Огайо написала: «Ситуации, когда я чувствовала, что единственный выход – пойти к психиатру, когда меня переполняли гнев, горечь и безысходность, случались так часто, что всех и не упомнить, а я и понятия не имела, что сотни других женщин чувствуют то же самое. Мне казалось, я такая одна. Совсем одна». Домохозяйка из Хьюстона, штат Техас, написала: «Я оказалась наедине со своей проблемой, что усугубило ее. Я благодарю Бога за семью, дом и возможность заботиться о них, но моя жизнь этим не ограничивается. У меня открылись глаза, что это не просто мои бзики и можно перестать стыдиться, что хочется чего-то большего».

Мучительное виноватое молчание и огромное облегчение, когда открыто проявляешь какое-то чувство, – известные психологические признаки. Какую потребность, какую частичку себя может подавлять такое количество женщин? В наш постфрейдистский век подозрение сразу падает на секс. Но это необычное волнение, похоже, с сексом не связано; женщинам о нем на самом деле говорить гораздо труднее, чем о сексе. Может ли быть иная потребность, иная частичка себя, которую они зарыли так же глубоко, как викторианские женщины зарыли секс?

Если да, то женщина могла о ней и не знать, уж не больше, чем викторианская женщина знала про свои сексуальные потребности. Образ хорошей женщины, согласно которому жили викторианские дамы, секс просто-напросто исключал. Так неужели образ, согласно которому живут современные американские женщины, тоже что-то исключает, этот горделивый и общественно приемлемый образ старшеклассницы с постоянным ухажером, влюбленной студентки, пригородной домохозяйки с перспективным мужем и машиной, забитой детьми? Этот образ, созданный женскими журналами, рекламой, телевидением, фильмами, романами, колонками и книгами экспертов по вопросам брака и семьи, детской психологии, сексуальной адаптации, а также популяризаторами социологии и психоанализа, формирует сегодняшнюю жизнь женщин и отражает их мечты. Может статься, это ключ к разгадке проблемы, у которой нет названия: так сновидение дает ключ к желанию, не названному сновидцем. В голове, когда образ идет вразрез с реальностью, тихо шелкает счетчик Гейгера. Он шелкнул и в моей голове, когда я не смогла сопоставить тихое отчаяние такого количества женщин с картинкой современной американской домохозяйки, которую сама же помогала создавать, работая для женских журналов. Чего не хватает в образе, что формирует стремление американской женщины самореализоваться в роли жены и матери? Чего не хватает в образе, который отражает и создает личность женщины в современной Америке?

В начале шестидесятых самым быстрорастущим из женских журналов был *McCall's*. Его наполнение довольно точно отражает образ американской женщины, представленный и отчасти созданный крупнотиражными журналами. Посмотрите на полное содержание обычного номера журнала *McCall's*, вышедшего в июле 1960 года:

1. Передовая статья, посвященная «возрастающему облысению у женщин», спровоцированному излишней укладкой и окрашиванием.

⁶ Betty Friedan, «Women Are People Too!» *Good Housekeeping*, September, 1960 (Бетти Фридан «Женщины – тоже люди!»). Эмоциональный накал писем, которые в ответ на эту статью я получила от женщин со всех концов Соединенных Штатов, убедил меня, что «проблема, у которой нет названия» касается не только выпускниц женских колледжей Лиги плюща.

2. Длинное стихотворение о ребенке, шрифтом как в букваре, под названием «Мальчик есть мальчик».

3. Рассказ о том, как подросток, который не учится в колледже, отбивает у мужчины умную студентку.

4. Рассказ о секундных ощущениях младенца, выкидывающего из колыбельки бутылку.

5. Первая часть (из двух) личного «новомодного» отчета герцога Виндзорского на тему «Как мы с герцогиней живем и проводим время. Как на меня влияет то, что я ношу, и наоборот».

6. Рассказ о девятнадцатилетней девушке, которую отправили в школу хороших манер, чтобы научиться хлопать ресничками и проигрывать в теннис. («Тебе девятнадцать, и по американским стандартам я имею полное право ссадить тебя с моей шеи, юридически и финансово, на шею какого-нибудь безбородого юнца, который увезет тебя в однокомнатную квартирку в какую-то глушь, пока он учится хитрить при продаже облигаций. Но ни один безбородый юнец на это не пойдет, пока ты lupишь по мячу со всей дури».)

7. История молодоженов, курсирующих между разными спальнями после ссоры из-за азартных игр в Лас-Вегасе.

8. Статья о том, «как преодолеть комплекс неполноценности».

9. Рассказ под названием «День свадьбы».

10. История матери подростка, которая учится танцевать рок-н-ролл.

11. Шесть страниц роскошных снимков моделей в одежде для беременных.

12. Четыре роскошные страницы на тему «Худейте как модель».

13. Статья о задержках рейсов авиакомпаний.

14. Выкройки для шитья.

15. Шаблоны, по которым можно сделать «складные ширмы – завораживающая магия».

16. Статья под названием «Как снова выйти замуж: всесторонний подход».

17. «Удачное барбекю» – статья, посвященная «Великому Американскому Хозяину, который стоит – поварской колпак на голове, вилка в руке – на террасе или заднем крыльце, наблюдая, как на вертеле крутится жаркое. А еще его жене, без которой (порой) барбекю не имело бы столь сокрушительный успех, какой оно, несомненно, имеет...»

На первых страницах постоянно печатали материалы, посвященные новым лекарствам и разработкам в области медицины, фактам по уходу за детьми, там появлялись колонки Клэр Люс и Элеонор Рузвельт, а также колонки *Pats and Pans* и письма читателей.

Этот большой и красивый журнал выпестовал образ женщины молодой и легкомысленной, почти ребенка, пушистой и женственной, пассивной, всегда веселой и довольной в своем мире спальни и кухни, секса, младенцев и дома. Журнал, конечно же, не оставляет без внимания секс: единственная страсть, единственное стремление, единственная цель, дозволенная женщине, – это мужчина. Весь журнал напичкан едой, одеждой, косметикой, мебелью и телами юных дев, но где же в нем мысли и идеи, жизнь разума и духа? Согласно журнальному образу, женщины занимаются только домом, а еще стараются сохранить свое тело красивым и заманить мужчину.

Вот каким был образ американской женщины в год, когда Кастро возглавил на Кубе революцию, а люди начали покорять космос. В год, когда на Африканском континенте зародились новые государства, а скорость самолета превысила скорость звука. В год, когда художники устраивали около величайшего музея пикеты в знак протеста против гегемонии абстрактного искусства, когда физики исследовали понятие антиматерии, когда астрономам, благодаря появлению новых радиотелескопов, пришлось изменить свои представления о расширяющейся Вселенной. Когда биологи совершили прорыв в базовом строении жизни, а негритянская молодежь в южных школах вынудила Соединенные Штаты, впервые после Гражданской войны, обратить взор на демократическую истину. Но в этом журнале, который читало более пять мил-

лионов американок, из которых почти все окончили среднюю школу, а почти каждая вторая – колледж, мир за пределами дома практически не упоминается. Во второй половине двадцатого века в Америке мир женщины имел определенные границы: ее собственное тело и красота, как привлечь мужчину и выносить младенца, а еще как обслуживать мужа, детей и дом. И это не было аномалией какого-то единичного выпуска отдельно взятого женского журнала.

Однажды вечером я сидела на собрании журналистов, по большей части мужчин, которые работали для разнообразных журналов, женских в том числе. Главный спикер был лидером борьбы за десегрегацию. Чуть ранее другой мужчина изложил потребности крупного женского журнала, где он был редактором:

Наши читатели – домохозяйки. Их не интересуют актуальные и злободневные вопросы. Их не интересуют ни государственные, ни международные дела. Их интересуют только семья и дом. Их не интересует политика, если она не связана с насущными домашними проблемами, например, ценой на кофе. Юмор должен быть мягким, сатиру они не воспринимают. Путешествия? От них мы почти отказались. Образование? Проблемная тема. Уровень их образования растет. Как правило, все они окончили школу, многие даже колледж. И да, они крайне заинтересованы в обучении своих детей... арифметикой в четвертом классе. В женском журнале нельзя писать об идеях и освещать актуальную повестку. Поэтому и публикуем сейчас 90 процентов информации об услугах, 10 процентов материалов общего характера.

С ним согласился другой редактор, жалобно добавив: «Неужели никто не может предложить что-нибудь еще, кроме тематики «смертельные лекарства в вашей аптечке»? Неужели никто из вас не в силах придумать новый кризис для женщин? Хотя бы секс остается вечной темой...»

А потом писатели и редакторы целый час слушали, как Тэргуд Маршалл рассказывал о кулуарных моментах борьбы за десегрегацию и ее возможном влиянии на президентские выборы. «Как жаль, что я не могу это опубликовать, – сказал один редактор. – С женским миром эта история абсолютно не вяжется».

Я их слушала, а в голове эхом отзывалась немецкая фраза: «*Kinder, Kuche, Kirche*» (Дети, кухня, церковь) – лозунг, которым нацисты определяли, что место женщины должно быть ограничено биологической ролью. Но мы не в нацистской Германии, а в Америке. Для американок открыт весь мир. Тогда почему сложившийся образ этот мир отвергает? Почему он ограничивает женщин «одной страстью, одной ролью, одним занятием»? Не так давно женщины мечтали и боролись за равенство, за свое место в жизни. Что случилось с этими мечтами? В какой момент женщины решили отказаться от целого мира и вернуться домой?

Геолог извлекает со дна океана грязную породу и видит отложенные за долгие годы осадочные слои, с резким переходом, напоминающим лезвие бритвы, – ключ к разгадке изменений в геологической эволюции Земли, столь масштабных, что в течение жизни отдельно взятого человека они остались бы незамеченными. Много дней я просидела в публичной библиотеке Нью-Йорка, просматривая переплетенные в тома американские женские журналы за последние двадцать лет. И я нашла изменения в образе американской женщины – и в границах женского мира – столь же резкие и загадочные, как изменения, обнаруженные в глубине океанических отложений.

В 1939 году героини женских журналов не обязательно были молоды, хотя в определенном смысле они были моложе своих современных вымышленных аналогов. Они были молоды, как был всегда молод американский герой: Новые Женщины с задорной решимостью создавали для женщин новую самоидентификацию – их собственную жизнь. Вокруг витала аура становления, движения в будущее, которое будет отличаться от прошлого. Большинство героинь, которые появлялись на страницах четырех крупных женских журналов (на тот момент

Ladies' Home Journal, *McCall's*, *Good Housekeeping*, *Woman's Home Companion*) строили карьеру – строили радостно, успешно, смело, привлекательно, при этом оставаясь женщинами, которые любили и были любимы мужчинами. А дух, смелость, независимость, решительность – та сила характера, которую они проявляли, работая медсестрами, учителями, художниками, актрисами, копирайтерами, продавщицами, – были частью их обаяния. Складывалось однозначное впечатление, что их индивидуальность восхитительна и не вызывает отторжения у мужчин, что мужчин притягивает не только внешность, но также их дух и характер.

Таковыми были массовые женские журналы в пору своего расцвета. Истории печатались обычные: девочка встречается мальчика или девочка заманивает мальчика. Но очень часто это была не главная тема. Героини, когда находили своего мужчину, обычно шли к какой-то цели, к мечте, пытались решить какой-то рабочий вопрос или даже проблему целого мира. И Новая Женщина, не такая пушистая, не такая женственная, зато независимая и решительно настроенная обрести новую, собственную, жизнь, была героиней совсем другой любовной истории. Ее горячая увлеченность окружающим миром, собственное ощущение своей личности и уверенность в себе придавали отношениям с мужчиной иной оттенок.

Героиня и герой одной из таких историй встречаются и влюбляются на работе, в рекламном агентстве. «Я не хочу селить тебя в саду, окружив стеной, – говорит герой. – Я хочу, чтобы мы шли рука об руку, вместе мы можем достичь всего, что захотим» («Общая мечта», журнал *Redbook*, январь 1939 года).

Новые Женщины почти никогда не были домохозяйками; впрочем, надо признать, рассказы обычно заканчивались до того, как появлялись дети. Новые Женщины были молоды, поскольку перед ними открывалось будущее. Зато в каком-то смысле они казались намного старше, более зрелыми, чем современные, по-детски юные, шаловливые героини-домохозяйки. Вот, например, описание одной из них, медсестры по профессии («Свекровь», журнал *Ladies' Home Journal*, июнь 1939 года): «Он решил, что она очень хорошенькая. В ней не было ни грамма картинной смазливости, зато в руках чувствовалась сила, в осанке – гордость, а в приподнятом подбородке и голубых глазах – благородство. Она была одна с тех пор, как девять лет назад закончила учебу. Она добилась всего сама, и теперь ей нужно слушать только свое сердце».

Одна героиня, когда ее мать настаивает, чтобы вместо геологической экспедиции она стала ходить на свидания, убегает из дома. Страстная решимость жить собственной жизнью не мешает этой Новой Женщине любить мужчину, зато вынуждает бунтовать против родителей – так, юному герою для возмужания часто требуется покинуть отчий дом. «Ты храбрее любой девушки, что я встречал в жизни. У тебя есть все, чтобы достичь успеха», – говорит молодой человек, который помог ей сбегать («Удачи, дорогая», журнал *Ladies' Home Journal*, май 1939 года).

Часто конфликты возникали между обязанностями на работе и обязательством перед мужчиной. Но в 1939 году выводилась следующая мораль: девушка должна быть верной сама себе; если мужчина – то, что надо, она его не потеряет. Так, одна молодая вдова (рассказ «Между тьмой и светом», журнал *Ladies' Home Journal*, февраль 1939 года), сидя в офисе, рассуждает, остаться ли на работе, поскольку нужно исправить допущенную ошибку, или пойти на свидание. Она вспоминает свой брак, ребенка, смерть мужа... «что было потом, когда она старалась включить голову, не бояться новой работы, быть уверенной в своих решениях». Как может начальник ожидать, что она откажется от свидания! Но она остается работать. «Они вложили в эту компанию всю свою жизнь. Она не могла его подвести». Эта женщина впоследствии тоже находит своего мужчину – своего босса!

Возможно, эти рассказы и не великая литература. Но личность героинь объясняла, кто читал женские журналы, и тогда, и сейчас. Эти журналы писались не для женщин, строящих карьеру. Новые женщины были идеалом вчерашних домохозяек: они отражали мечты, точно

передавали тоску по самоопределению и чувству возможности, существовавшему для женщин в то время. И если женщины не могли воплотить подобные мечты сами, они хотели, чтобы это сделали их дочери. Хотели, чтобы их дочери были больше, чем просто домохозяйки, чтобы они жили в мире, который им самим был недоступен.

Вновь вспомнить, что значила для женщин карьера, пока слова «работающая женщина» или «карьеристка» не стали в Америке ругательством, – это как воскресить давно забытую мечту. Конечно, в конце Великой депрессии, если была работа, значит, были деньги. Однако работающие женщины женские журналы не читали, к тому же карьера все-таки несколько больше, чем работа. Заниматься карьерой значило что-то делать самой, что-то собой представлять, не просто существовать ради кого-то и в нем раствориться.

Последнее яркое упоминание страстного поиска личного самосознания, который, похоже, символизировала карьера в период до 1950-х годов, я обнаружила в рассказе под названием «Сара и гидросамолет» (*Ladies' Home Journal*, февраль 1949 года). Сара, девятнадцать лет игравшая роль послушной дочери, тайно учится летать. Она пропускает урок полетов, чтобы сопровождать мать на светский визит. Один пожилой врач, которого тоже пригласили в гости, говорит ей следующее: «Сара, дорогая моя, ты постоянно, просто каждый день совершаешь самоубийство. Не ценить себя по достоинству – еще большее преступление, чем не делать приятное другим». Почувствовав какой-то секрет, он интересуется, не влюблена ли она. «А ей сложно было ответить. Влюблена? Влюблена в добродушного красавчика Генри (инструктора по полетам)? Влюблена в искрящуюся воду и в тот момент свободы, когда крылья поднимают в воздух, и в тот ласковый, безграничный мир, что открывается ее взору? И она ответила: “Да, пожалуй, влюблена”».

Следующим утром Сара оказалась предоставлена самой себе. Генри «отошел в сторону, захлопнув дверь кабины, и развернул для нее судно. Она осталась одна. Такой дурманный момент: из головы вылетело все, чему она научилась, и ей пришлось привыкать быть одной, одной-одинешенькой, хотя и в знакомой кабине. Сара сделала глубокий вдох, и внезапно прекрасное чувство «я справлюсь» заставило ее сесть ровно, расправить спину и улыбнуться. Она осталась одна! В ответе только за себя, и этого было достаточно.

«Я справлюсь!» – подбодрила она себя вслух... Ветер отлетал от поплавков гидросамолета, оставляя блестящие полосы, а потом корабль без особых усилий поднялся в воздух и устремился вверх». Теперь даже мать не сможет помешать ей получить лицензию пилота. Она не боится «узнать свой собственный жизненный путь». Той ночью, лежа в кровати, Сара сонно улыбается, вспоминая, как Генри сказал: «Моя девочка».

«Она улыбнулась. Нет, она не была его девочкой. Она была Сарой. И этого достаточно. А учитывая, что она поздно начала, понадобится время, прежде чем она себя узнает. Находясь уже в полудреме, она задумалась, понадобится ли ей, когда это произойдет, спутник и кто это будет».

И вдруг этот образ расплывается. Новая Женщина, которая свободно парит, замирает в своем полете и, затрепетав от ясного солнечного света, устремляется обратно, к уютным стенам дома. В том же году, когда Сара выполнила свой самостоятельный полет, *Ladies' Home Journal* напечатал прототип оды на тему «Род занятий: домохозяйка», которые в несметных количествах стали появляться в женских журналах. Хвалебные песни, гремевшие на протяжении пятидесятих годов, обычно начинаются с жалоб женщины на то, что, когда требуется вписать в документ «домохозяйка», у нее возникает комплекс неполноценности. («Когда я пишу это слово, то понимаю: вот она я, женщина средних лет, закончила университет, но ничего в своей жизни не сделала. Простая домохозяйка».) Затем автор сей оды, который по какой-то причине сам никогда не является домохозяйкой (в конкретном случае автор – Дороти Томпсон, журналистка, иностранный корреспондент, известный обозреватель в *Ladies' Home Journal*, март 1949 года), покатывается со смеху. По ее мнению, проблема в том, что домохозяйка просто

не понимает, что является специалистом в десятке профессий одновременно. «Записывайте: бизнес-менеджер, повар, медсестра, шофер, портниха, декоратор интерьера, бухгалтер, поставщик питания, учитель, личный секретарь... можете ставить просто «филантроп»... Ведь всю свою жизнь вы отдавали энергию, навыки, таланты, служили – ради любви». Но домохозяйка продолжает ныть, мол, вот, мне почти пятьдесят, и я никогда не занималась музыкой, хотя в юности на это надеялась, я зря потратила образование.

«Ха-ха, – смеется мисс Томпсон, – разве музыкальность ваших детей не ваша заслуга? А вспомните те тяжелые времена, когда ваш муж завершал свое великое дело... Разве не вы содержали очаровательный дом на 3000 долларов в год, шили для детей и себя одежду, собственноручно клеили обои в гостиной и ястребом высматривали на рынках выгодные предложения? А в свободное время не вы ли печатали и вычитывали рукописи мужа, планировали фестивали, чтобы заполнить финансовую дыру в делах прихода, играли с детьми на фортепиано в четыре руки, чтобы сделать занятия более увлекательными, читали в старшей школе то, что задавали им, чтобы проверять уроки?» – «Но это жизнь на благо других... чужая жизнь», – вздыхает домохозяйка. «Такая же, как у Наполеона Бонапарта, – усмехается мисс Томпсон, – или у английской королевы. Я отказываюсь разделять эту жалость к себе. Вы одна из самых успешных женщин, что я знаю».

Что касается отсутствия заработка, то, как говорится, пусть домохозяйка подсчитает стоимость своих услуг. Благодаря управленческим талантам женщины могут сэкономить больше денег для дома, чем принести извне. Что касается женского духа, сломленного скучной работой по дому, то, быть может, какой-то женский гений и не нашел себе дорогу, но «мир, полный женщинами-гениями, но бедный детьми, быстро подойдет к концу... К тому уже у великих мужчин прекрасные матери».

А еще американской домохозяйке напоминают, что в Средние века католические страны «возвысили кроткую и неприметную Марию до Царицы Небесной и построили самые прекрасные соборы во имя «Нотр-Дам – Богоматери»... Домохозяйка, воспитатель, создатель детской среды – женщина постоянно воссоздает культуру, цивилизацию и добродетель. И если она прекрасно справляется с этой важной управленческой задачей и творческой деятельностью, позвольте ей с гордостью писать о своей профессии: «домохозяйка»».

В 1949 году *Ladies' Home Journal* также опубликовал «Мужское и женское» Маргарет Мид. Все журналы вторили вышедшей в 1942 году книге Фарнхем и Ландберга «Современные женщины: потерянный пол», в которой авторы предупреждали, что карьера и высшее образование ведут к «маскулинизации» женщин, что чрезвычайно опасно для дома, для детей и для способности женщины, как и ее мужа, получать сексуальное удовольствие».

Итак, «загадка женственности» стала расплываться по стране, вживляясь в старые предрассудки, дополняя удобные условности, которые так легко позволяют прошлому душировать будущее. За новой женственностью стояли концепции и теории, обманчивые своей сложностью и предположением, что истина общеизвестна. Теории эти, видимо, были столь запутанны, что кроме нескольких посвященных их никто не понимал и поэтому не подвергал сомнению. Чтобы в полной мере понять, что случилось с американскими женщинами, необходимо сломать стену тайны и внимательнее изучить сложные концепции и общепринятые истины.

Исследуемый миф гласит, что высшая ценность для женщины, как и ее единственная задача, – реализация собственной женственности. И недооценивать эту женственность – величайшая ошибка, что мы наблюдали на протяжении большей части истории западной культуры. Женственность эта столь загадочна, интуитивно понятна и близка к сотворению и происхождению жизни, что человеческая наука, возможно, никогда не сможет ее постигнуть. Но, несмотря на все своеобразие и отличие, она никоим образом не уступает природе мужчины. А в некотором отношении, возможно, даже превосходит ее. Заблуждение, корень женских проблем в прошлом заключается в том, что женщины завидовали мужчинам, пытались быть на них похо-

жими, а не старались принять собственную природу, согласно которой женщина может самореализоваться только в условиях сексуальной пассивности, мужского доминирования и пестования материнской любви.

Образ, который эта женственность – своеобразный миф – навязывает американкам, на самом деле не нов: «Род занятий: домохозяйка». Новая женственность создает из матерей-домохозяек, у которых никогда не было шанса выбрать иной путь, образец для всех женщин. Она заранее предполагает, что применительно к женщинам история, здесь и сейчас, достигла блестящего финала. Скрываясь за изоощренными ловушками, она превращает определенные практические, имеющие предел бытовые аспекты существования женщины – как раньше у женщин, чье бытие было вынужденно ограничено готовкой, уборкой, стиркой, вынашиванием детей, – в религию, в образец, по которому должны жить все. В противном случае им стоит отречься от своей женской сути.

После 1949 года у американских женщин осталось лишь одно определение для слова «самореализация» – женщина-домохозяйка. Мгновенно, словно во сне, образ американской женщины как растущей личности в изменяющемся мире разбился на мелкие части. Ее самостоятельный полет в поисках собственной идентичности был позабыт во имя сохранности единения. Безграничный мир сжался до уютных стен дома.

Трансформация, отразившаяся на страницах женских журналов, стала резко заметна в 1949 году, а далее, в пятидесятые, шла по нарастающей. «Женственность начинается дома», «Быть может, это мир мужчин», «Рожай, пока молода», «Как поймать мужчину в капкан», «Нужно ли бросать работу после свадьбы?», «А вы учите дочь быть женой?», «Строим карьеру дома», «Надо ли женщинам так много говорить?», «Почему солдаты предпочитают немок?» «Чему женщины могут научиться у Евы», «Политика: настоящий мужской мир», «Как сохранить счастливый брак», «Не бойтесь выходить замуж молодыми», «Беседы врача о грудном вскармливании», «Наш ребенок родился дома», «Готовить для меня – это поэзия», «Как вести домашнее хозяйство».

К концу 1949 года только одна из трех героинь женских журналов строила карьеру... и отказывалась от нее, вдруг понимая, что на самом деле безумно хочет быть домохозяйкой. В 1958 году, а затем еще раз в 1959-м я пролистала полностью, выпуск за выпуском, три крупных женских журнала (четвертый, *Woman's Home Companion*, приказал долго жить) и не нашла ни одной героини, строящей карьеру, имеющей устремления в какой-то работе, искусстве, профессии, да хоть какую-то миссию в этом мире, кроме той, что описывается словами «род занятий: домохозяйка». Только одна из ста героинь имела работу. Даже молодые незамужние героини больше не работали, ну разве что ловили мужа ⁷.

Новые счастливые героини-домохозяйки по какой-то неясной причине выглядят моложе энергичных карьеристок 30—40-х годов. Похоже, они молодеют и молодеют – и внешне, и в своем по-детски зависимом поведении. Из планов на будущее – только родить. В их мире активно растет только ребенок. Сами героини-домохозяйки вечно юны, ведь границы их собственного образа дальше родов не простираются. Дети растут и развиваются вместе со всем миром, а они, как Питер Пэн, должны оставаться молодыми. Они должны продолжать рожать, поскольку женственность подсказывает: другого способа стать героиней нет. Вот типичный пример из рассказа под названием «Бутербродница» (*Ladies' Home Journal*, апрель 1959 года). В колледже она ходила на курс домоводства, научилась готовить, никогда не работала и до сих пор ведет себя как дитя, хотя сама родила уже троих. Но есть проблема – деньги. «О, ничего скучного, никаких налогов, торговых соглашений на основе взаимности или программ

⁷ В 1960-х годах в женских журналах стали появляться редкие героини, которые не были «счастливыми домохозяйками». Редактор журнала *McCall's* объяснил это так: «Иногда мы печатаем неформатный рассказ исключительно ради развлечения». Одна из таких коротких повестей, написанная по заказу Ноэлем Клэдом (Noel Clad) для *Good Housekeeping* (январь 1960 г.), называется «Мужчины против женщин». Героиня – счастливая женщина с работой – едва не теряет и ребенка, и мужа.

помощи иностранным государствам. Этот экономический бред я оставляю своему представителю в Вашингтоне, помоги ему небеса».

Проблема в том, что ее пособие составляет всего сорок два доллара и десять центов. Она терпеть не может просить у мужа денег каждый раз, когда ей нужна пара обуви, а кредитный счет он ей не доверит. «О, мне так не хватает своих денег! Много не надо. Пару сотен в год, и проблема решена. Так, чтобы изредка пообедать с подружкой, позволить себе чулки экстравагантного цвета, по мелочи, не обращаясь к Чарли. Но, увы, Чарли прав. Я не заработала в жизни ни доллара и понятия не имею, как делаются деньги. Поэтому я все думала и думала... не прекращая готовить, убирать, снова готовить, стирать, гладить и снова готовить».

В конце концов приходит решение: она будет готовить бутерброды для сотрудников на заводе мужа. Она получает пятьдесят с половиной доллара в неделю, вот только забывает сосчитать расходы и не помнит, что такое прибыль, поэтому вынужденно прячет восемь тысяч шестьсот сорок пакетов для бутербродов за плитой. Чарли замечает, что она делает бутерброды слишком красивыми. На что она говорит: «Если просто шлепнуть ветчину на кусок ржаного хлеба, то я банально бутербродница, это неинтересно. Но если что-то добавить, какой-то особый штрих – то это уже процесс творческий». И она режет, заворачивает, чистит, запечатывает, намазывает хлеб, с рассвета и до упора, за девять долларов чистого дохода, пока запах еды не начинает претить. Как-то после бессонной ночи она, шатаясь, идет вниз, чтобы нарезать салями еще на восемь зияющих пустотой ланч-боксов. «Это был перебор. Как раз проснулся Чарли. Он лишь взглянул на меня и побежал за стаканом воды». В этот момент она понимает, что снова беременна.

«Первое, что смог связно выдать Чарли: “Я отменю твои заказы. Ты – мать. В этом твоя работа. Деньги в дом приносить не обязательно”. Как просто и красиво! “Да, босс”, – покорно пробормотала я, если честно, с облегчением». Вечером Чарли приносит домой чековую книжку, доверяя ей совместный банковский счет. О спрятанных восьми тысячах шестистах сорока пакетах для бутербродов она решает умолчать. Пока все четверо закончат школу, она в любом случае их истратит.

Дорога от Сары и гидросамолета до «бутербродницы» заняла всего десять лет. За десять лет образ американской женщины, похоже, раскололся надвое, как разум шизофреника. Речь уже не просто о том, чтобы зверски уничтожить любые мечты о карьере. Все заходит намного дальше.

Раньше образ женщины также состоял из двух частей: доброй, чистой женщины на пьедестале и развратницы с плотскими желаниями. Раскол в новом образе вскрывает противоречие иного рода: женственная женщина, чья добродетель вовсе не исключает плотские желания, и карьеристка, любое желание самостоятельности которой считают пороком. Благонравие теперь заключается в изгнании запретной мечты о карьере, в победе героини над Мефистофелем: дьяволом, предстающим вначале в облике карьеристки, который угрожает забрать мужа или ребенка героини, и в конце концов дьяволом внутри самой героини – мечтой о независимости, душевным недовольством и даже ощущением собственной идентичности. Все это нужно изгнать, чтобы завоевать или сохранить любовь мужа и ребенка.

В рассказе, напечатанном в журнале *Redbook* («Мужчина, который вел себя как муж», ноябрь 1957 года), к героине, очень юной невесте, «маленькой брюнетке с веснушчатым лицом» по прозвищу Малышка приезжает в гости бывшая соседка по колледжу, Кей. Эта соседка – «своя среди парней, с прекрасной деловой хваткой... блестящие волосы цвета красного дерева она собирала в высокий пучок, который пронзали две палочки». Кей в разводе, но что ужаснее, она оставила ребенка с бабушкой, пока сама работает на телевидении. Этот карьерный дьявол заманивает Малышку работой и мешает ей кормить ребенка грудью. Она даже уговаривает молодую мать не подходить к своему плачущему в два часа ночи ребенку. Однако получает заслуженный отпор, когда муж героини, Джордж, обнаруживает плачущего

ребенка, лежащего без одеяльца на ледяном ветру из распахнутого окна; по щекам младенца течет кровь. Кей, исправившаяся и раскаявшаяся, пробует отлынивать от работы, чтобы завести собственного ребенка и начать жизнь заново. А Малышка ликует по поводу кормления в два часа ночи: «Я рада, рада, рада, что я всего лишь домохозяйка» – и мечтает о том, что ребенок, когда вырастет, тоже станет домохозяйкой.

Когда с дороги уходит работающая женщина, дьяволом, которого нужно непременно изгнать, становится домохозяйка, активно интересующаяся общественными мероприятиями. Даже участие в родительском комитете приобретает подозрительный оттенок, не говоря уже об интересе к международным делам (см. «Без пяти минут интрижка», журнал *McCall's*, ноябрь 1955 года). Следом идет домохозяйка, у которой просто есть собственное мнение. Героиня рассказа «Я не хотела тебе говорить» (журнал *McCall's*, январь, 1958 года) знает, сколько денег осталось на счету, и спорит с мужем из-за бытовых мелочей. В итоге муж уходит к «беспомощной вдовушке», главная привлекательность которой состоит в том, что она совершенно «не разбирается» ни в договорах страхования, ни в ипотечном кредитовании. Брошенная жена сетует: «Наверное, она очень сексуальна. Что может здесь предложить жена?» На что ее лучшая подруга говорит: «Ты упрощаешь. Не забывай, насколько беспомощна Таня и как она благодарна мужчине за поддержку...»

«Я бы не смогла быть полностью зависимой от мужа, даже если бы попыталась, – отвечает жена. – После колледжа я получила хорошую работу и всегда была довольно самостоятельна. Я не беспомощная девчонка и не смогу ею притворяться». Но той ночью она всему научится. Она слышит шум, который, быть может, издает грабитель, и, хотя она знает, что это всего лишь мышь, зовет на помощь мужа и отбивает его у соперницы. В итоге супруг успокаивает якобы испуганную жену, а та бормочет, что этим утром он, конечно, был прав. «Она смирно лежала в мягкой постели и улыбалась, испытывая сладкое, скрытое удовольствие, едва тронутое чувством вины».

В конце этого пути, практически в буквальном смысле, – полное исчезновение героини как отдельной личности и творца собственной истории. В конце этого пути – единение, когда у женщины даже нет необходимости скрывать собственное «Я» в чувстве вины, поскольку оно отсутствует. Она живет только ради мужа и детей, только их жизнью.

Идея «единения», придуманная издателями журнала *McCall's* в 1954 году, была жадно воспринята рекламодателями, как движение с духовным смыслом. На какое-то время она приобрела статус практически национальной идеи. Тем не менее резкая критика со стороны общества не заставила себя долго ждать, появились злые шутки, что «единение» – это замена более глобальных человеческих целей – мужских. Женщины получили нагоняй за то, что заставляли мужей выполнять работу по дому, вместо того чтобы позволять им прокладывать новые пути в Америке и во всем мире. Был поставлен вопрос: почему мужчины, обладающие способностями государственных деятелей, антропологов, физиков, поэтов, должны вечерами в будни или субботним утром мыть посуду и пеленать младенцев? Это время они могли бы потратить на решение более серьезных, необходимых для общества вопросов!

Примечательно, что критиков возмущало только то, что мужчин просили разделить обязанности «женского мира». Мало кто ставил под вопрос границы этого мира для женщин. А ведь когда-то считалось, что и женщины обладают способностями и проницательностью государственных деятелей, поэтов и физиков. Мало кто видел за такой идеей единения наглухо ложь.

Обратимся к пасхальному выпуску журнала *McCall's* 1954 года, который объявил о новой эре единения, озвучив реквием по тем временам, когда женщины боролись за политическое равноправие и завоевали его, а женские журналы «помогли выкроить огромные области, запретные ранее для вашего пола». Новая модель жизни, когда «все больше и больше мужчин и женщин раньше вступают в брак, раньше заводят детей, имеют семьи побольше и получают

глубочайшее удовлетворение» от собственного дома, – это модель, которую «мужчины, женщины и дети выстраивают вместе... не только женщины или только мужчины, поодиночке, а вся семья, на основе общего опыта».

Фоторепортаж, в подробностях описывающий такой образ жизни, называется «место мужчины – в его доме». В нем, как новый образ и идеал, приводится супружеская пара из Нью-Джерси, живущая с тремя детьми в двухуровневом доме с серой черепицей. Жизнь Эда и Кэрол «практически полностью вертится вокруг детей и дома». Вот они делают покупки в супермаркете, плотничают, одевают детей, вместе готовят завтрак. «Затем Эд садится с друзьями, которые по очереди друг друга подвозят, в машину и едет в офис».

Эд, муж, выбирает цветовую гамму для дома и оставляет за собой главные решения по интерьеру. Вот какие повседневные дела любит Эд: возиться по дому, что-то мастерить, красить, выбирать мебель, коврики и шторы, вытирать посуду, читать детям и укладывать их спать, работать в саду, кормить, одевать и купать детей, ходить на родительские собрания, готовить, покупать одежду жене, ходить за продуктами.

А вот что Эд не любит: вытирать пыль, пылесосить, завершать начатое, вешать шторы, мыть кастрюли, сковородки и тарелки, убирать за детьми, расчищать двор от снега и стричь газон, менять подгузники, отвозить няню домой, стирать, гладить. Понятно, что эту работу Эд не делает.

Семье нужен глава, а эту функцию выполняет Отец, не Мать... Детям обоих полов необходимо понимать, признавать и уважать способности и функции каждого пола... Отец – это не просто мать на замену, даже если он охотно помогает купать, кормить, утешать и играть. Он – связь с внешним миром, где сам работает. И если в этом мире он чем-то увлечен, проявляет отвагу, терпимость, мыслит конструктивно, он передаст эти ценности детям.

В те дни в редакции *McCall's* проводили кучу безумных собраний. «Внезапно все стали искать в единении духовный смысл, ожидая, что мы создадим некое загадочное религиозное движение, основываясь на той жизни, которую люди вели последние пять лет, – а люди просто уползли по домам, развернувшись к миру спиной. И эту жизнь можно было показать только как уродливую серость, – вспоминает бывший редактор журнала. – Все и всегда в конечном счете сводилось к следующему: как славно, славно, славно, папочка в саду нам жарит барбекю. Мода, еда, даже духи – мы везде пихали мужчин».

«Были статьи, написанные психиатрами, которые мы не могли напечатать, потому что они раздули бы проблему по полной: ведь эти пары всем своим весом опираются на своих детей. А что еще делать с единением, кроме как заботиться о детях? Мы были благодарны до слез, когда находили фото отца с матерью в ином, новом ракурсе. Иногда нам становилось любопытно, что будет с женщинами, если мужчины возьмут на себя оформление дома, уход за детьми, готовку и все то, что раньше было только женской прерогативой. Но показать, как женщины покидают домашний очаг и строят карьеру, мы не могли. Ирония в том, что мы хотели начать работать и для мужчин, и для женщин, вместе. Мы хотели работать для людей, а не только для женщин».

Но можно ли считать женщин людьми, учитывая запрет на равенство с мужчинами? Их в конце концов настолько затягивает образ пассивной зависимости (поскольку независимость запрещена), что они хотят, чтобы мужчины принимали решения даже дома. Дикая иллюзия того, что единение может разбавить духовным содержанием серость домашней рутины, потребность, чтобы религиозное движение восполнило недостаток самосознания, выдает масштабы женской потери и пустоту нового образа. Может ли мужская помощь по дому компенсировать женщинам потерю целого мира? Может ли совместная возня с пылесосом в гостиной подарить домохозяйке новую цель в жизни?

В 1956 году, на пике идеи «единения», скучающие редакторы в *McCall's* напечатали скромную статью под названием «Сбежавшая мать». К их изумлению, именно эта статья (из всех статей, опубликованных ранее) привлекла наибольшее внимание читательской аудитории. «Это был момент истины, – сказал бывший редактор. – До нас вдруг дошло, что все те женщины, что сидели дома, воспитывая своих трех детей, были ужасно несчастны».

Но к этому моменту уже закрепился новый образ американской женщины – «Род занятий: домохозяйка», он превратился в некую загадку, неоспоримую и не допускающую вопросов, формируя ту самую реальность, которую сам и искажал.

В пятидесятые, к тому времени как я стала писать для женских журналов, редакторы считали само собой разумеющимся, а писатели рассматривали как непреложную данность бытия мысль о том, что женщин не интересует политика, жизнь за пределами Штатов, национальные проблемы, искусство, наука, новые идеи, приключения, образование, да даже собственные сообщества, за исключением тех, где они могут эмоционально самовыразиться как жены и матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.